
Теория и история государства и права

Георг Еллинек

**ОБЩЕЕ УЧЕНИЕ
О ГОСУДАРСТВЕ**

Теория и история государства и права

Георг Еллинек

Общее учение о государстве

«Юридический центр»

1900

УДК 340.12
ББК 67.0

Еллинек Г.

Общее учение о государстве / Г. Еллинек — «Юридический центр», 1900 — (Теория и история государства и права)

Выдающемуся ученому, основоположнику немецкой социологии права Г. Еллинеку (1851–1911) принадлежат работы по философии права, истории политических учений, истории права, международному праву. Но основные достижения сделаны им в области государственного права. Свидетельством тому является предлагаемый вниманию читателей фундаментальный труд исследователя «Общее учение о государстве». Работа вышла в свет в 1900 г. в Германии, но уже в 1903 г. появилось первое русское издание, которое оказало значительное влияние на русских ученых и не утратило своей ценности по сей день. Для всех интересующихся теорией и историей государства и права.

УДК 340.12

ББК 67.0

Содержание

Георг Еллинек	6
Предисловие	10
Книга первая. Предварительные изыскания	11
Глава первая. Задачи учения о государстве	11
1. Место, занимаемое учением о государстве в системе наук	11
2. Система учения о государстве	14
3. Политика и ее отношение к учению о государстве	16
4. Каузальная и нормативная наука	19
5. Ограничение задач общего учения о государстве	20
Глава вторая. Методика учения о государстве	22
1. Необходимость исследования методологических вопросов	22
2. Отличие социально-научного познания от естественнонаучного	23
3. Установление типов в социальной науке	24
4. Типы как предмет учения о государстве	26
5. Исторический метод исследования в области учения о государстве	30
6. Юридический метод в учении о государстве	35
Глава третья. История учения о государстве	37
Глава четвертая. Отношение учения о государстве к другим наукам	46
I. Универсальное и обособляющее исследование	46
II. Отношение учения о государстве к естественным наукам	47
III. Отношение учения о государстве к прочим гуманитарным наукам	50
1. Отношение учения о государстве к психологии и антропологии	50
2. Отношение учения о государстве к социальным наукам	51
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Георг Еллинек

Общее учение о государстве

© И. Ю. Козлихин, вступ. статья, 2004

© Изд-во «Юридический центр Пресс», 2004

* * *

Георг Еллинек

Санкт-Петербургский журнал «Вестник Европы» так отозвался на смерть Георга Еллинека: «Среди германской юридической науки в настоящее время никто, а в прошедшем очень мало кто может быть сравним с Еллинеком; параллели приходится, пожалуй, искать среди таких столпов, как Гегель или Кант. Действительно, со времен Гегеля ни один ученый не имел такого влияния на мировое развитие науки государствоведения, как Еллинек. Труды последнего составляют в наши дни краеугольный камень публично-правовых семинариев всего цивилизованного мира; вы можете их найти не только во всех уголках европейских государств, начиная с Томска и кончая Лиссабоном, но и в Америке Северной и Южной, и во многих университетах Азии, Африки и Австралии; так, например, с его учениями основательно знакомы современные японские юристы»¹.

Автор некролога профессор Корф несколько преувеличил вклад Еллинека в мировую науку. Но это извинительно, если иметь в виду требования жанра. Бесспорно же то, что Георг Еллинек, вместе со своим старшим современником Рудольфом Иерингом, относится к основоположникам немецкой социологии права и государства и имел весьма значительное влияние на русских ученых.

Г. Еллинек (1851–1911) родился в Лейпциге. Его отец был доктором философии, автором многочисленных исторических и богословских исследований. Так что Еллинек с детства был приобщен к высокой науке. Он изучал философию и право в университетах Брюнна, Гейдельберга и Лейпцига. В 1872 г. он получает степень доктора философии, а через два года – степень доктора права. Затем Еллинек преподает в Венском университете, в Базеле и, наконец, в Гейдельберге, где получает кафедру публичного права и превращает ее в центр немецкого государствоведения².

Еллинек был весьма разносторонним ученым. Его перу принадлежат работы по философии права, истории политических учений, истории права, международному праву. Но основные достижения сделаны им в области государственного права. Сказанное касается его основного, фундаментального труда под названием «Общее учение о государстве». В Германии он вышел в свет в 1900 г., а уже в 1903 г. появилось первое русское издание. Работа Еллинека пользовалась большим успехом и была переиздана через пять лет.

Творчество Еллинека – в известной степени реакция на юридико-догматический позитивизм, который свою основную задачу видел в истолковании норм действующего права. Еллинек же был убежден в ограниченности такого подхода и с его господством связывал кризис современной ему науки государственного права, которая сложилась после объединения Германии. Вот как он оценил ее состояние: «Всякий приступающий к исследованию основных социальных проблем не может не почувствовать с первых же шагов отсутствие глубоко продуманной методологии. В литературе учения о государстве господствует в этом отношении величайшая путаница, так как значительная часть авторов – в том числе и такие, которым мы обязаны весьма плодотворными исследованиями детальных вопросов, – вообще не уясняют себе, с какими трудностями связано изучение основных феноменов, с какими приходится считаться различиями, как велик именно в этой области соблазн принять образы и аналогии за реальные истины... Этим следует объяснить, что вплоть до настоящего времени всякое, хотя бы и бессмысленное, измышление из области учения о государстве, если только оно преподносилось с должным апломбом, обращало на себя внимание в литературе и серьезно обсуждалось. Утверждения заменяли факты, убеждения – доказательства, неясность сходилась за глубокомыслие,

---

¹ Вестник Европы. 1911, февр. С. 385.

² Подробнее о жизни и творчестве Г. Еллинека см.: *Алексеев А. С.* Георг Еллинек и его научное наследие. М., 1912.

произвольное умствование – за высшее познание. По этой, главным образом, причине в истории учения литературы о государстве в новейшее время образовался столь значительный пробел, что в течение последних десятилетий ни один систематический труд не сумел привлечь к себе хотя бы некоторого внимания. Старые ненадежные методы, или, точнее, прежде отсутствие метода несовместимы более с требованиями современной научной мысли. Новые же методы еще только нарождаются; поэтому исследователи стараются, как-нибудь наскоро коснувшись основных понятий, затем уже сосредоточить преимущественное внимание на исследовании деталей» (с. 60–61). Кроме того, Еллинек подчеркивал опасность растворения цельной науки о государстве в других науках. Ведь общее учение о государстве рассматривает последнее как сложное социальное явление и поэтому соотносится со многими другими науками, имеющими своим предметом человека и общество. Изучая государство, следует учитывать данные многих наук, как естественных, так и гуманитарных. Но ни в коем случае нельзя путать с ними науку о государстве. «Если государство имеет естественную, психическую, этическую, экономическую сторону, то из этого не следует, что оно составляло предмет исключительно этих дисциплин. То, что в нем есть специфического, что отличает его от всех других явлений, – разнообразные отношения властвования не могут быть объяснены другими науками в их своеобразной, отличающей их от всех других общественных отношений, природе. Выяснить основание, условие, цель, действие этих отношений, познание которых, раскрывая своеобразную природу государства, должно увести к целостному представлению о государстве, – такова задача этого объединяющего познания» (с. 103).

Как же быть? Где выход из создавшегося положения? Прежде всего следует сказать, что Еллинек отнюдь не отрицает важности юридико-догматического метода исследования права. Трудно найти здравомыслящего юриста, который бы отважился на это и в XIX, и в XX, и в XXI вв. Не делает этого безумного шага и Еллинек. Государство, полагает он, существует в двух ипостасях – как явление социальное и как явление собственно юридическое. Поэтому общее учение о государстве и состоит из двух частей: «общего социального учения о государстве и общего учения о государственном праве» (с. 48). Соответственно используются и разные методы исследования. «Отсюда вытекает, – пишет Еллинек, – важное методологическое различие между социальным учением о государстве и учением о государственном праве. Содержанием первого является фактическое, историческое или, как не совсем правильно выражаются, естественное бытие государства, второго – те юридические нормы, которые должны найти свое выражение в этом реальном бытии. Эти нормы не суть что-либо само по себе существующее, а нечто, долженствующее быть осуществленным в делах человека. Это различие – коренное, устраняющее всякую возможность смешения обеих частей учения о государстве» (с. 55). Еллинек выделяет еще одну науку, достойную внимания государствоведа, – политику.

Социальное учение исследует государство во всей совокупности признаков. Как социальное явление государство – это совокупность людей, человеческих союзов и отношений между ними. В данном случае исследователя интересует не юридический, а фактический порядок. В обществе постоянно идет борьба между различными социальными группами, отстаивающими свой интерес. Реальное положение дел в той или иной степени есть результат компромисса между ними. По сути, Еллинек предложил свой вариант теории групп, ставшей столь популярной в XX в.

Что же касается государственного права, то оно входит в сферу юридической догматики. Иначе и не могло быть. Здесь Еллинек твердо стоит на позициях юридического (этапистского) позитивизма. Право для него – это система норм, исходящих от внешнего авторитета, регулирующих внешнее поведение людей, обязательность которых гарантируется внешними средствами (с. 332). При изучении права (в данном случае – государственного, публичного) социологические, исторические и т. п. методы применяться не должны. Здесь господствуют логика, индукция и сравнение.

Политика, по Еллинеку, наука не теоретическая, а сугубо практическая. Политика, пишет он, «учение о достижении определенных государственных целей и, следовательно, анализ явлений государственной жизни с определенных телеологических точек зрения, являющихся в то же время критическим мерилем при обсуждении явлений и отношений государственной жизни» (с. 50). Политика – это сфера оценок. «Если учение о государстве только познает, то политика, по существу, только оценивает» (с. 50). Разумеется, политику нельзя смешивать с наукой о государстве. Однако было бы совершенно неверно делать вывод о том, что Еллинек предлагает создать три обособленные науки о государстве. Общее учение о государстве представляет собой единую науку. Оставаясь на почве позитивизма (социологического и юридического), он констатирует существование двух путей рождения права. Во-первых, фактические отношения превращаются в юридические в процессе их постепенного признания обществом. Во-вторых, они не мыслимы друг без друга в ходе непосредственного государственного правотворчества. С одной стороны, «право есть исключительно социальная функция и поэтому предполагает человеческое общение» (с. 357), с другой, как было уже сказано, – система норм, установленных внешним авторитетом. Решить эту контроверзу Еллинек и пытается соединением двух, в общем, разных наук в единое учение о государстве.

Большую роль играет и политика как наука. Позитивизм имеет дело с реально существующими фактами. Еллинек не устает повторять, что право – это действующее право, и именно оно является предметом изучения. Но ему, как и другим всерьез занимающимся правом, никуда не уйти от вечного вопроса: Каким право должно быть? На него и должна ответить политика. «Политика есть, таким образом, учение не о существующем, а о том, что должно существовать» (с. 52)³.

Кажется, что, рассуждая о политике, Еллинек пытался преодолеть те ограничения, которые ставила перед исследователем позитивистская методология. Вообще, по складу характера и образования ему чужда была юридическая догматика. Строго говоря, он так и не обратился к ней, хотя и обещал читателям. «Общее учение о государстве» было анонсировано как первый том большого исследования под названием «Право современного государства». Далее должно было последовать «особенное учение о государстве», предметом которого являются отдельные государства, группы государств, государственные учреждения и т. д. Этого исследования так и не появилось. Не хватило времени?.. Может быть. Хотя между выходом первого тома и смертью ученого прошло 11 лет. Вероятнее всего, Еллинеку было скучно этим заниматься; его влекла социология государства, он стремился к познанию тех глубинных процессов, которые происходили в обществе.

Первая книга «Общего учения о государстве» заканчивается очень характерным в этом смысле пассажем: «Социальное изучение государства представляется, таким образом, необходимым коррективом юридического. Наука права утверждает, что суверенное государство стоит выше всякой другой организованной власти и никакой другой власти не подчинено. Но могучим силам социальной жизни, действующим не в форме сознательной, направляемой волей силы, подвластен и этот суверен. Юрист должен поэтому остерегаться смешения его мира норм, долженствующих управлять жизнью государства, с самой этой жизнью. Все формально-юридические представления о всемогуществе государства, гипотетически вполне допустимые, исчезают, как только мы из мира юридически-возможного вступаем в мир социальной действительности. Здесь действуют исторические силы, которые образуют и разрушают самодовлеющее бытие государств, лежащее вне всяких юридических конструкций. К этому самодовлеющему бытию приложимы гениальные слова столь часто не понимаемого немецкого

---

³ Еллинеку можно сделать тот же упрек, который был сделан Л. И. Петражицкому, пытавшемуся обосновать новую науку – «политику права»: чем, собственно, она отличается от опровергаемых теорий естественного права? (см. *Ландау Г. А. О политике права. (К истории прикладных наук) // Вестник права. 1906. Кн. 1. С. 1–90*).

мыслителя (Гегеля. – *И. К.*): для образования, бытия и падения государств не существует иного форума, кроме суда мировой истории. Нормы этого суда, без сомнения, не совпадают с нормами юристов» (с. 146).

И. Ю. Козлихин, доктор юридических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета

Предисловие

Настоящий труд обязан своим происхождением понятному стремлению исследователя привести в систему результаты посвященной науке жизни, выразившиеся до сих пор в целом ряде монографий, а также и желанию преподавателя быть в состоянии указывать своим слушателям на такую книгу, которая, стоя на уровне современной науки, заключила бы в себе литературную разработку подлежащих проблем в том виде, в каком они излагаются им с кафедры.

Автор, однако, имел в виду не одних товарищей по специальности и слушателей. Интерес к основным вопросам государственной науки, несомненно, отступил на второй план перед социальными проблемами, и в настоящее время наибольшее внимание возбуждают те работы по учению о государстве, которые выступают под модным флагом социальной политики и социологии.

На самом деле, за период времени, превышающий срок человеческой жизни, не появилось ни одного систематически законченного труда, рассчитанного на более широкий круг читателей, чем тесный цех специалистов. Конечно, в этом повинно также и состояние науки. Как ничтожно число достоверных результатов! Все, почти, спорно: метод, план и цель исследования, способ установления и разработки отдельных добытых результатов. Основательный, я сказал бы, почти микроскопический, прием новейшего исследования положил конец прежнему доверчивому отношению, и там, где раньше усматривали неприступные как скалы аксиомы, оказалось бушующее море сомнений.

И, тем не менее, ни один жизнеспособный народ не может ни в какое время обойтись без прочного учения о государстве. Наука должна поэтому непрестанно пытаться познать государство своего времени и для своей эпохи. Настоящая книга имеет в виду сделать доступными более широкому кругу читателей результаты новейших изысканий.

Этим предопределяется и способ изложения. Оно ничего не должно предполагать такого, что известно только специалистам; с другой стороны, оно должно провести свою собственную точку зрения через целый строй контроверз, не запутывая читателя слишком пространной полемикой с чужими мнениями. Литературные указания должны быть полезны и менее начитанным лицам; поэтому пришлось сделать соответственный выбор из необозримого количества работ, посвященных социальному учению о государстве или с ним соприкосновенных. Однако и осведомленный читатель найдет по всем важнейшим вопросам, в особенности в последней книге, подробнейшие литературные указания. Что же касается более ранней литературы, то во избежание повторений я часто ссылался на свои прежние работы.

Относительно плана и содержания труда в его целом я ближайшим образом высказался в предварительных изысканиях (Книга первая). Настоящий том представляет из себя вместе с тем и законченный труд. Если в некоторых местах и опущены более подробные изыскания, то восполнение пробелов найдет себе место во втором томе. Он обнимет специальное учение о государстве в виде изложения отдельных институтов современных государств, причем будет постоянно обращать внимание на германские отношения. Если подобное предприятие не желает расплыться до бесконечности, то его результаты должны кристаллизироваться в каком-нибудь определенном центре. Таковым может быть только собственное государство и родное право.

Автор Гейдельберг, июль 1900

Книга первая. Предварительные изыскания

Глава первая. Задачи учения о государстве

1. Место, занимаемое учением о государстве в системе наук

Изучая человека с его психической стороны, наука рассматривает его либо как индивида, либо как существо общежительное. Гуманитарные дисциплины⁴, ставящие себе задачей все-стороннее исследование социальной жизни человека, образуют в своей совокупности общественные, или социальные, науки.

Явления социальной жизни человека, в свою очередь, распадаются на две группы: явления, существенный момент которых составляет единая, направляющая их воля, и такие, которые существуют или, по крайней мере, могут существовать без вытекающей из них волевой организации. В первых неизбежно проявляется планомерный порядок, устанавливаемый сознательной, направленной на него волей, – в противоположность последним, порядок которых обуславливается иными факторами.

В действительности оба вида социального порядка не могут быть строго изолированы, так как нераздельное единство всей вообще социальной жизни делает невозможным существование одного из них без другого. Так, например, мы не встретим развитой государственной жизни без народного хозяйства и, наоборот, народного хозяйства без государства. Логическое различие обоих порядков, тем не менее, возможно и необходимо, ибо, как это подробнее будет доказано ниже, всякое познание обусловлено возможностью обособлять подлежащий изучению объект, извлекать его из облекающих его наслоений и выделять из тех соединений, в которых он наблюдается в действительности.

К социальным явлениям, не регулируемым планомерно единой волей, относятся язык, нравы, наука и искусства, народное хозяйство. Важнейшим из социальных явлений, основанных на волевой организации, является *государство*, существо которого мы пока предполагаем уже данным. Всякое выяснение существа научной дисциплины по необходимости исходит от результатов, которые лишь впоследствии могут быть прочно обоснованы.

Всю совокупность общественных наук, за исключением языкознания, которое либо совершенно игнорируется в его связи с социальными науками, либо даже прямо относится к естествознанию⁵, и теперь еще нередко называют науками государственными, так как ни один организованный порядок не может существовать без государства, и государство, по размерам его деятельности и влияния, оказываемого им на человека, затрагивает и определяет всю социальную жизнь. Эту терминологию следует, однако, признать неправильной уже по тому одному, что явления социальной жизни, созданные государством или под его воздействием, должны быть отличаемы от самого государства как их источника. Наука о государстве ограничивается исключительно исследованием государства и союзов, входящих в него в качестве его неразрывных составных частей. Отношений государства к другим социальным областям она каса-

---

⁴ Традиционное противопоставление наук естественных и гуманитарных теперь пытаются, и не без серьезных оснований, заменить противопоставлением наук естественных и культурных, ср. *Rickert*, *Kulturwissenschaft und Naturwissenschaft*, 1898. Здесь мы удерживаем, однако, традиционные названия, чтобы не увеличивать и без того значительной в этой области терминологической путаницы.

⁵ Представителями этого воззрения являются, напр., *B. Schleicher*, *Die Darwinsche Theorie und die Sprachwissenschaft*, 1873, стр. 7, *Max Müller*, *Die Wissenschaft der Sprache*, немецкий перевод Fick'a и Wischmann'a, I.ю 1892, стр. 21 сл. Правильное, теперь господствующее, воззрение см. у *Paul'a*, *Grundriss der germanischen Philologie*, 2 изд., I, 1896, стр. 160.

ется лишь постольку, поскольку государство направляет на них свою сознательную, регулируемую и содействующую деятельность. Народное образование, например, относится к области науки о государстве лишь постольку, поскольку государство руководит этим делом или оказывает на него влияние, между тем как техническая сторона этой публичной деятельности входит в область других дисциплин, например педагогики, которые должны быть отнесены к общественным наукам второй категории. Если и не существует такой области человеческой социальной деятельности, которая не находилась бы в каких-либо отношениях к государству, то отсюда следует только, что государственные науки находятся в тесной связи с другими социальными науками, но это не значит, что последние должны быть совершенно поглощены первыми.

Государство может быть изучаемо с разных точек зрения, в соответствии с многообразием его проявлений. Отсюда – необходимость специализации науки о государстве, созданная лишь постепенно, по мере прогрессивного развития науки. Подобно большинству других областей знания, впоследствии распавшихся на многочисленные дисциплины, наука о государстве на заре истории является одной наукой. В этом виде мы встречаем ее у древних греков. У них «*Политика*» обнимала изучение *Πόλις* и направленной на нее деятельности ее членов во всех возможных проявлениях, так что этот термин не должен быть смешиваем с «политикой» в современном значении этого слова.

В этом учении отсутствует или, по крайней мере, не сознано ясно представление о разнообразии подлежащих строгому разграничению отношений и сторон жизни государства. Под влиянием античных воззрений, употребление терминов «наука о государстве» и «политика» в качестве равнозначущих удержалось до сих пор, в частности, у романских народов и у англичан, у которых *science politique*⁶, *scienza politica*, *political science* или *politics* и т. д. означают науку о государстве во всем ее объеме; к специализации же последней либо вовсе не делается попыток, либо эти попытки представляются крайне несовершенными.

Государственные дисциплины⁷ в указанном нами смысле обнимают и все правоведение, так как право может явиться продуктом только организованных человеческих союзов. Наука о государстве классической древности не различала строго учений о праве и о государстве, тем более, что для нее все вообще человеческое общежитие имело государственный характер. Прогрессирующая специализация, обязанная своим происхождением развитию науки о праве у римлян, возвысила правоведение на степень самостоятельной области знания. Таким образом, должны быть различаемы *государственные науки в широком смысле*, обнимающие и все правоведение, и *государственные науки в тесном смысле*. Ниже мы будем употреблять термин «государственные науки» только в этом более тесном смысле.

Так как, однако, науки о государстве и о праве находятся в тесной систематической связи, то существуют дисциплины, которые должны быть отнесены к той и другой, именно дисциплины, изучающие юридические свойства и отношения самого государства, т. е. – из области учений публичного права – государственное, административное и международное право. Они являются науками как о государстве, так и о праве. На значении этой внутренней связи право- и государствоведения нам придется еще подробнее останавливаться в другом месте.

Науки распадутся на описательные (дескриптивные), объяснительные (теоретические) и прикладные (практические). Первые имеют целью установление и систематизацию явлений, вторые выясняют законы их взаимной связи, третьи – применимость их к практическим целям.

Точное разграничение науки описательной и теоретической не легко достижимо, в особенности в области социальных наук. Даже в отношении к естествоведению высказывалось

⁶ В новейшее время, впрочем, употребляется и во множественном числе. Так, напр., французы говорят о *sciences morales et politiques*.

⁷ И в немецком языке слово “*Staatswissenschaft*” можно употреблять во множественном числе для обозначения отдельных дисциплин о государстве, и в единственном числе – в смысле всей совокупности этих дисциплин.

мнение, что объяснение явления природы есть не что иное, как более совершенное его описание⁸. В противоположность большинству явлений природы социальные явления по общему правилу имеют не постоянный, а *динамический* характер: они непрерывно меняют свои свойства, свою интенсивность и течение, и мы не в состоянии выяснить точные, не вызывающие никаких сомнений законы их развития и регресса, как это делает естествознание в отношении к явлениям жизни. Объект социальных наук, таким образом, непрерывно изменяется; со спекулятивной точки зрения, от которой мы никогда не можем совершенно отказаться, хотя бы в видах гипотетического исполнения наших знаний, в этом постоянном движении можно усмотреть прогрессивное развитие: эмпирически напротив, мы можем во многих случаях констатировать лишь изменение, а не развитие.

Трудно, например, доказать, что средневековое государство, по сравнению с античным, представляло, как это часто утверждается, высшую ступень развития⁹. Но оно представляло нечто существенно отличное от античного государства и выработало явления, которых мы даже в зародыше не найдем в последнем. Расчленявшая средневековое государство противоположность между князем и народом, во все продолжение средних веков не примеренная до полного единения, сословное представительство, требование ограничения сферы государственной деятельности, — все это феномены, совершенно неизвестные древнему государству. Самое существо государства поэтому изменилось с течением времени в определенных отношениях, в противоположность естественным явлениям, которые либо остаются неизменными, либо правильно повторяются, либо, наконец, преобразуются, усложняясь или упрощаясь, по определенным доступным познанию законам. Ниже мы остановимся подробнее на этом вопросе, имеющем существенное значение для планомерного изучения социальных явлений: в особом и более подробном выяснении нуждается также вопрос о границах каузального познания в области социальной науки.

В социальных науках описание и объяснение нередко должны сливаться уже по указанной выше причине. Кто описывает, например, изменчивый ход какого-либо социального явления, непрерывно меняющего на своем историческом пути свое внутреннее существо, тот объясняет в то же время взаимную связь его отдельных фазисов; в противном случае он может дать лишенное научного знания внешнее описание. Поэтому при нижеследующем перечислении входящих в область науки о государстве отдельных дисциплин, логическое различие которых необходимо в интересах правильной ориентировки, надлежит иметь в виду, что основанная на природе объектов изучения тесная связь различных научных положений делает невозможным полное, заключенное в точные пределы отграничение каждой отдельной дисциплины.

Описательной основой всех социальных, а стало быть, и государственных наук является *история*, которая устанавливает и излагает социальные факты в их историческом движении, выясняя также их внешнюю и внутреннюю связь¹⁰. Для науки о государстве преимущественное значение имеет *политическая история*, изучающая развитие судьбы и падение государств. Но и *социальная история*, трактующая об общественных явлениях, не имеющих непосредственно политического характера, представляется весьма важной для выяснения теоретических проблем государственных наук, ввиду объективной связи всех явлений социальной жизни. К истории примыкают *государствоведение* (Staatenkunde) и относящаяся к государственным явле-

⁸ Ср. известные положения G. Kirchhoff'a, Vorlesungen über mathematische Physic Mechanic, 1874, стр. 1.

⁹ Ср. правильные указания Ed. Meyer'a, Die Wirtschaftliche Entwicklung des Altertums, 1895, стр. 6, Sklaverei im Altertum, 1898, стр. 5 сл.

¹⁰ История выясняет не только события, но и связь между ними. От теоретических наук она отличается, однако, тем, что всегда исследует конкретные причинности, а не абстрактные типы и законы. Если историк переходит в эту область, он выходит за пределы своей науки и превращается в философа истории или социолога. Совершенно отказаться от таких высших исторических конструкций не может ни один историк, но едва ли найдется такая наука, представители которой могли бы находить полное удовлетворение исключительно в пределах своей специальности.

ниям часть *статистики*, политическая и административная статистика, из которых первая описывает институты отдельных государств современных и ближайшего прошлого, а вторая «точно исследует те стороны государственной и общественной жизни, которые могут быть выражены в цифрах»¹¹. Теоретической наукой о государстве является теоретическое государствоведение, или *учение о государстве*, задача которого заключается в познании всех сторон бытия государства. Она есть в то же время наука описательная, поскольку она устанавливает признаки государства и формы его проявления. Но это описание есть в то же время и объяснение, ибо объект этой науки принадлежит не к чувственному миру, а может быть установлен и сознан лишь путем научного исследования, и только пытаясь объяснить его, мы можем его описать. Кроме того, выяснение отношений причинности поставлено в этой области в гораздо более узкие границы, чем в естественнаучных дисциплинах, так как здесь наука, – как это подробнее будет показано ниже, – не в состоянии установить всеобщие теоретические законы, определяющие причинную связь явлений.

2. Система учения о государстве

Теоретическая наука о государстве, или учение о государстве, распадается на *общее* и *особенное* учение о государстве¹². Первое стремится выяснить основы всего учения о государстве, подвергая научному исследованию явление государства вообще и основные его определения. Свои выводы оно извлекает из исследования не отдельных государственных образований, а всей совокупности исторических и социальных форм проявления государства.

Общее учение о государстве пополняется *особенным учением о государстве*, которое может исследовать предмет двояким путем. Особенное учение о государстве занимается либо сравнением отдельных учреждений государств вообще или определенной группы государств или – еще уже – определенной группы государств на протяжении известной эпохи, имея при этом целью конструировать и объяснить типы этих учреждений, или же особенное учение о государстве есть просто познание учреждений конкретного государства в их историческом развитии или в их современной форме. Особенное учение о государстве есть, таким образом, либо учение об отдельных учреждениях государства вообще, либо учение об учреждениях отдельного государства. В первом значении его можно назвать *специальным*, во втором – *индивидуальным* учением о государстве.

Полное понимание институтов отдельного государства возможно лишь на основе как общего учения о государстве, так и специального – об отдельных учреждениях государства, так как все единичное может быть понято лишь в связи с тем целым, в состав которого оно входит. Плодотворная разработка индивидуального учения о государстве возможна поэтому лишь на почве результатов обеих указанных основных дисциплин.

Учение о государстве исследует государство во всех существенных его проявлениях. Оно распадается на две главные области, соответственно двум точкам зрения, с которых государство может быть рассматриваемо. Государство есть, во-первых, социальное явление, а во-вторых, – правовой институт. Соответственно этому наука о государстве распадается на *социальное учение о государстве* и *учение о государственном праве*. Общее учение о государстве, в частности, состоит, таким образом, из двух отделов: *общего социального учения о государстве* и *общего учения о государственном праве*.

¹¹ Lexis в Handw. Der Staatwiss, ст. Statistik VI, стр. 4.

¹² Различные определения общего учения о государстве в новейшей литературе см. у Rehm'a Allgemeine Staatslehre, 1899, стр. 1 сл. Подробную критику взглядов у других авторов я считаю в этой области мало плодотворной, прежде всего потому, что эти взгляды редко вытекают из действительно освещающего вопрос систематического изучения, а затем подробная критика вызывает ряд методологических вопросов, которые повели бы нас слишком далеко. Мы позволим себе ограничиться развитием нашей собственной точки зрения.

Общее учение о государственном праве, т. е. учение о юридической природе государства и основных государственно-правовых понятиях, составляет, таким образом, только часть общего учения о государстве.

Право есть одна из важнейших сторон государства; государство не возможно без права, но встречаемое нередко и в новейшей литературе отождествление учения о государстве и учения о государственном праве основано на грубом недоразумении, объясняемом историческим происхождением современного учения о государстве. Источником последнего послужила доктрина естественного права, стремившаяся выяснить юридическое основание государства¹³. Это юридическое основание естественное право нередко отождествляло с историческим основанием возникновения государства и соответственно тому рассматривало государство исключительно как правовое образование. В эпоху господства естественного права науки о государстве и о государственном праве поэтому весьма редко различались. Только политика как прикладная наука о государстве признается государствоведами этой эпохи самостоятельной дисциплиной. В политической литературе от Макиавелли до Монтескье мы находим многочисленные теоретические исследования, которые теперь должны быть отнесены к той именно части учения о государстве, которая не входит в учение о государственном праве.

Если таким образом учение о государственном праве и представляет обособленную область в пределах всего учения о государстве, – оно все-таки является только частью целого. Учение о государстве и о государственном праве – не противоположности. Противоположаемы должны быть с систематической точки зрения социальное учение о государстве, рассматривающее государство как общественное образование во всей полноте его бытия, и учение о государственном праве как юридическая часть учения о государстве. Это разделение и противопоставление основано на различии господствующих в обеих областях методов. В научном изложении учения о государстве юридическое не должно быть смешиваемо с тем, что предшествует праву. Но, изучая внутреннюю связь того и другого, дисциплины, излагающие все учения о государстве, должны быть чужды двух одинаково опасных по своим последствиям заблуждений: веры в то, что единственно правильным является социологическое, историческое, политическое, вообще не юридическое объяснение государства, и противоположного убеждения, что только юрист с его методами исследования призван разрешить все задачи, связанные с государственными явлениями¹⁴.

Выяснение связи социального учения о государстве с учением о государственном праве имеет, однако, весьма важное значение и для плодотворности изысканий в области государственно-правовых проблем. Широко поставленное учение о государстве служит основой всякого теоретического познания государства. Все исследования, основанные не на этом прочном фундаменте, неизбежно приводят к превратным и односторонним результатам. Если поэтому учение о государственном праве и изолирует юридическую сторону государства, чтобы достичь полного ее познания, оно должно, однако, исходить из принципов, вытекающих из всестороннего изучения государства. Системы государственного права по настоящее время обычно начинаются общими учениями о государстве, которым придается значение прочно установившейся догмы, без указания, однако, ее источника, и которые тем важнее, что из них делаются самые существенные выводы. При преобладающем дедуктивном характере юридических исследований выводы нередко уже а priori даны с этими догматическими положениями. Все одностороннее, противоречивое и сомнительное в господствующих государственно-правовых воззрениях

¹³ См. ниже, гл. VII.

¹⁴ О юридическом методе государствоведения говорит *Wundt*, *Logik*. 2 изд., II, 1895, стр. 490 сл. Отождествление государствоведения и государственного права было одной из крупнейших ошибок многих представителей теории естественного права. Теперь едва ли найдется юрист, который считал бы юридической всю совокупность явлений государственной жизни: по крайней мере противоположность политического и правового признается всеми.

в значительной мере объясняется неправильным или недостаточным обоснованием их определенными положениями учения о государстве.

3. Политика и ее отношение к учению о государстве

Прикладной или практической наукой о государстве является *политика*, т. е. учение о достижении определенных государственных целей, и, следовательно, анализ явлений государственной жизни с определенных телеологических точек зрения, являющихся в то же время критическим мерилем при обсуждении явлений и отношений государственной жизни¹⁵. Если учение о государстве только познает, то политика, по существу, только оценивает. В этом тесном значении, которое одно только и может обеспечить за политикой право на самостоятельное существование, она выяснена лишь в новейшее время в немецкой науке, которой мы обязаны окончательным расчленением всеобъемлющей античной категории политики на социальное учение о государстве, государственное право и политику.

Так как абсолютные цели могут быть выяснены только путем метафизической спекуляции, то эмпирическая, законченная и обладающая объективной убедительностью политическая наука – невозможна. Научную ценность могут иметь только относительные, т. е. такие политические исследования, которые гипотетически исходят из определенной цели как желательной, но при этом допускают возможность и других телеологических точек зрения. Политические исследования имеют поэтому, по общему правилу, партийный отпечаток, тем более что они редко ограничиваются эмпирическими, относительными целями, так что присоединяется еще противоположность между метафизическими и эмпирическими целями, отражающаяся на характере исследования и его результатов. Уже при беглом обзоре политической литературы мы убеждаемся, что различие мирозерцаний, представлений о конечных целях человеческого общежития определяет – нередко бессознательно – характер весьма значительной части политических исследований.

Политика как наука прикладная есть в то же время учение об искусстве государственной деятельности¹⁶ и потому необходимо направлена на будущее, между тем как учение о государстве как учение о существующем обращено к прошлому и настоящему. Политические исследования могут, однако, простираются и на прошлое и настоящее, чтобы извлечь из этого уроки для будущего. Направленная на настоящее, политика получает характер критического учения, выясняющего, с точки зрения определенных телеологических принципов, необходимость сохранения или преобразования существующего порядка. Но и прошлое может быть

---

¹⁵ О различных определениях политики см. v. *Holtzendorff*, *Die Principien der Politik*, 2 изд., 1879, стр. 2 сл. Новейшие попытки выяснения понятия политики у *Schäffle*, *Ueber den wissenschaftlichen Begriff der Politik*, *Zeitschr. f. d. ges. Staatswissenschaft*, LIII, 1897, 579 сл. и *van Calker*, *Politik als Wissenschaft*, 1898, стр. 7 сл. При тесной внутренней связи всех явлений государственной жизни и познания ее точное отграничение политики и теоретической науки о государстве едва ли вполне достижимо. Кто трактует о целях какого-либо государственного установления, должен предварительно познать его бытие и деятельность. Именно учение о государственной жизни прямо или безмолвно относят к области политики, между тем как она относится сюда лишь постольку, поскольку политика изучает эту жизнь с точки зрения поставленных ей целей. Однако разделение обеих точек зрения, с которых могут быть рассматриваемы непрерывно меняющиеся явления государственной жизни – теоретической и телеологической – на практике весьма трудно провести с полной строгостью в исследовании отдельных политических проблем. Каждое, более подробное, политическое исследование касается поэтому, по общему правилу, и предметов, относящихся собственно к теоретической науке о государстве. С точки зрения метода гораздо легче, напротив, обойтись без вторжений в область политики при изложении теоретической науки о государстве, так как политика предполагает последнюю, но не наоборот.

¹⁶ Научная политика и государственное искусство относятся друг к другу, как всякая выработка общих принципов – к умению применять их к отдельным случаям. Государственное искусство, поскольку оно не желает оставаться чисто эмпирическим, есть, таким образом, искусство создавать конкретные государственные отношения в соответствии с определенными принципами, но считаясь в то же время с особенностями подлежащей решению задачи и всех сопровождающих ее обстоятельств, которые должны быть строго индивидуализируемы. Насколько такое искусство может быть сведено к общим правилам, чтобы служить путеводной нитью для практической государственной деятельности, зависит от того, можно ли – и в какой мере – научиться духовной и моральной практической деятельности.

предметом критического изучения с точки зрения определенных целей. В область политического исследования входит и вопрос, повели или не повели определенные деяния исторических лиц к предположенной ими или другой желательной цели. Исследование влияния созданной Периклом демократии на развитие афинского государства или диктатуры Суллы – на падение римской республики имеет не менее политический характер, чем попытки выяснить влияние общего избирательного права на будущие судьбы Германской империи. Всякое прагматическое историческое исследование является поэтому в то же время и политическим¹⁷. Конечная, хотя нередко не высказываемая цель таких обращенных к прошлому политических исследований также относится к будущему, так как эти исследования служат не самоцелью, а только средством выяснить нормы желательного способа действий в аналогичных случаях. Политика есть, таким образом, учение не о существующем, а о том, что *должно* существовать.

Если таким образом политика по своим целям и методу, безусловно, должна быть отличима от социального учения о государстве и учения о государственном праве, то, с другой стороны, при тесной внутренней связи всех областей одной науки прикладная дисциплина имеет важное значение для плодотворности изысканий в области теоретической. Для всестороннего познания как статике государственного порядка, изучаемого социальной наукой о государстве, так и юридических норм этого порядка, исследуемых государственным правом, необходимо восполняющее эти науки политическое изучение государства. В действительности государство находится в состоянии постоянного движения, и социальное учение о государстве и учение о государственном праве дают картину лишь данного момента его жизни. Все важнейшие жизненные процессы государства, как и все нормы его правопорядка, до и во время их возникновения служили, однако, предметом политических исследований и мероприятий; всякое законченное государственное действие, всякое действующее право имеют политические последствия. Совершенно игнорируя политику, мы можем поэтому прийти только к бессодержательным выводам или, в лучшем случае, к познанию бездушного государственного скелета. В теоретическом учении о государстве как науке понятий все абстрактно; конкретное проявляется в потоке политической жизни, непрерывно меняющемся, в своем историческом течении, создаваемые им образы.

В частности, государственно-правовые исследования, только считаясь с политически возможным, получают содержание и цель. При всей нежелательности смешения права и политики, при всей необходимости строгого их разграничения ни одно исследование в области государственного права не может дать плодотворных результатов, если оно не считается с тем, что представляется политически возможным. Государственное право рискует в этом случае превратиться в чуждую жизни и реального знания чисто схоластическую дисциплину.

Важнейшее положение, вытекающее из сказанного, сводится к тому, что *политически невозможное не может быть объектом серьезного юридического исследования*. Праздным представляется, например, исследование вопроса, какие юридические последствия должно бы иметь неназначение германским императором нового канцлера после отставления им прежнего или отказ союзного совета предложить кандидатов на освободившиеся вакансии в имперском суде. Праздными представляются мне также рассуждения о последствиях отречения одного из германских союзных государств от принадлежащих ему как таковому особых прав

¹⁷ С точки зрения терминологии, впрочем, прилагательное «политический» гораздо менее поддается точному определению, чем существительное «политика». Под «политическим» разумеют также социальное и вообще всякое не юридическое изучение государственных явлений. Политике можно противопоставить науку о государстве, но для этого последнего понятия нет соответственного прилагательного. Трудно поэтому избежать употребления термина «политический» как в тесном смысле, о котором идет речь в тексте, так и в указанном более широком значении, – тем более, что употребление термина «социальный» для обозначения не юридической стороны государства могло бы повести к многочисленным недоразумениям ввиду неопределенности и этого слова. При таком недостатке терминологии, к сожалению, непоправимом, особенно важно, чтобы автор отдавал себе ясный отчет, в каком смысле он употребляет слова «социальный» и «политический» в каждом отдельном случае. Разные значения термина «политический» см. также у *Rehm'a*, *Allg. Staatslehre*, стр. 8 сл.

(Sonderrecht) вопреки направленным против такого отречения постановлениям партикулярного законодательства¹⁸, или вопрос о допустимости реальной унии одного из германских государств со стоящим вне союза государством, или о возможности войны между государствами, входящими в состав личной унии¹⁹. Всякое право должно быть действующим, т. е. обладать возможностью осуществления на практике, что не может быть осуществлено – не должно быть предметом юридического исследования.

Второй важный принцип, который наука права почерпает из политического познания, гласит, что *действия верховных государственных органов должны быть презюмируемы правомерными*. Пока никто из имеющих право возражения против действий этих органов не пользуется этим своим правом или не объявляет их недействительными, они должны быть рассматриваемы как правомерные, – даже в том случае, если это не совпадает с буквой конституции. Неправильно поэтому такое толкование понятия «надзор» в ст. 4 имперской (германской) Конституции, которое приводит к тому, что компетенция значительного числа имперских установлений является прямо противоречащей Конституции²⁰. Точно так же нельзя рассматривать решения германского рейхстага как ряд нарушений Конституции только потому, что при голосовании депутаты часто присутствуют в меньшем числе, чем это необходимо для законности решения²¹. Состав рейхстага почитается, напротив, законным, пока противное не констатируется президентом собрания. Допустимость представительства императора в империи и короля в Пруссии, вопреки теоретическим сомнениям, не оспаривается ни одним компетентным органом²². Саксонская военная конвенция, признаваемая некоторыми авторами недействительной, фактически имеет силу, так как никто из имеющих право на это не подвергал сомнению ее действительность²³. Теоретическое признание недействительности такого рода отношений должно повести к выводу, что то, что считается действующим правом, в действительности не может быть так квалифицируемо. Но фактически неоспоренное осуществление права должно в результате породить новое право, обязательное и с теоретической точки зрения; таким образом, и для теории, хотя бы даже игнорирующей вопрос о политически возможном, мнимые теоретические нарушения конституции в окончательном результате преобразуют самый правопорядок.

Государственно-правовая теория должна, таким образом, если она не желает уклониться от правильного пути, постоянно иметь в виду реальную политическую жизнь. С другой стороны, политическое изучение всегда связано с требованием нового права, в свою очередь, предполагающим всегда основательное знакомство с правом действующим. Учение о государственном праве имеет поэтому большое значение для политики, которая без его помощи не может выполнить своей задачи. Критика данных институтов публичного права есть политическая задача, к решению которой призвано учение о государственном праве как общее и специальное, так и учение о праве конкретного государства. Наука права не выполнила бы лучшей части своего призвания, если бы она обращалась только назад и не содействовала бы в то же время проложению пути к лучшему будущему²⁴.

¹⁸ Ср. Laband, Das Staatsrecht des deutschen Reiches, 3 изд., 1895, I, стр. 109.

¹⁹ Ср. ниже, гл. XXI.

²⁰ Ср. Hänel, Deutsches Staatsrecht, I, 1892, стр. 307 сл.

²¹ Laband I, стр. 307, прим. 3. Правильное решение у Rieker'a, Ueber Begriff und Methode des allgemeinen Staatsrechts. Vierteljahrsschrift f. Staats und Volkswirtschaft, IV, стр. 266.

²² Ср. G. Meyer, Lehrbuch des deutschen Staatsrechts, 5-е изд., 1899, стр. 255, прим. 2, и указанную там литературу.

²³ Zorn, Das Staatsrecht des Deutschen Reiches, 2 изд., II, 1897, стр. 527 сл.; Hänel I, стр. 492, прим. 5; правильно указывают на неоспоримый факт действия конвенции: Laband II, стр. 508 прим. 1; G. Meyer, стр. 655 прим. 1

²⁴ О задачах законодательно-политической юриспруденции ср. верные замечания А. Menger'a в его ректорской речи Ueber die socialen Aufgaben der Rechtswissenschaft, 1895, стр. 18 сл.

4. Каузальная и нормативная наука

Указанные выше отдельные отрасли государственных наук должны быть рассмотрены еще с другой точки зрения. Мы имеем в виду различие между каузальным и нормативным познанием. Существуют двоякого рода правила: такие, которые выражают причинную связь явлений, и затем такие, которые должны быть осуществлены человеком, его мыслью и деяниями, – другими словами, правила существования и правила долженствования.

Вторая группа, группа *норм*, подобно первой, может быть объектом как описания, так и объяснения. Констатирование норм социального поведения, познание их внутренней связи, как между собой, так и со всей совокупностью социальных сил, под воздействием которых они выработались, представляются одной из плодотворнейших задач социально-научного исследования. Из норм, входящих в область учения о государстве, наиболее важными являются нормы юридические. Правоведение не есть поэтому наука о законах существующего, а наука – нормативная.

Отсюда вытекает важное методологическое различие между социальным учением о государстве и учением о государственном праве. Содержанием первого является фактическое, историческое или, как не совсем правильно выражаются, естественное бытие государства, второго – те юридические нормы, которые должны найти свое выражение в этом реальном бытии. Эти нормы не суть что-либо само по себе существующее, а нечто, долженствующее быть осуществленным в деяниях человека. Это различие – коренное, устраняющее всякую возможность смешения обеих частей учения о государстве.

Содержанием прикладной науки о государстве также служат нормы. Политика признает, как право, не существующее, – а должное. Нормы права и нормы политики, однако, существенно различны и не должны быть смешиваемы. Юридические нормы являются *действующими*, т. е. находящимися в силе, – исполнение их обеспечивается определенными гарантиями. Как действующие юридические нормы имеют двойственный характер: они являются не только чем-то должным, но и чем-то существующим. Положительное право отличается от всех других волевых норм тем, что оно в качестве реальной силы производит определенное, подлежащее учету действие. В этом направлении право составляет поэтому предмет науки о существующем. Исторические исследования в области права и народного хозяйства, социально-политическая критика существующего порядка и т. д. рассматривают право как действительный фактор народной жизни, они обращаются в области права исключительно к существующему. В частности, история может наследовать право только как реально существующее, по фактическому его воздействию на жизнь, так как все должное по самой своей природе относится к будущему.

Политические нормы действуют, напротив, только в силу свободного признания; нет такой силы, которая проводила бы их в жизнь, кроме самостоятельно вырабатываемого каждым призванным к тому индивидуумом убеждения в их внутренней необходимости; они не могут быть никому навязаны. Юридические нормы – за исключением переходных форм – всегда бесспорны; политические, напротив, по общему правилу, вызывают сомнения, ибо объективно-истинные политические правила не могут быть выработаны уже по одному тому, что все конкретные политические цели имеют либо относительный, либо метафизический характер, и в том и в другом случаях они вытекают из индивидуальных или партийных мнений и верований.

5. Ограничение задач общего учения о государстве

Хотя государство есть институт общечеловеческий, однако не может быть и речи о единстве, общности происхождения всех государств. Первоосновы социальных учреждений еще не раскрыты наукой. В новейшее время, правда, этнологические и доисторические исследования энергично занялись разрешением загадок первобытной истории человечества. Но, несмотря на обильную литературу, располагающую обширным материалом, прочные, не вызывающие сомнений результаты крайне незначительны. Так, прежде всего, в наиболее исследованной области, в учении о происхождении семьи, мы встречаем множество резко противоположных друг другу воззрений, ни одно из которых не может быть признано господствующим. Конструкции всякого рода заменяют доказательства; всякий исследователь, который полагает необходимым – для более полного понимания исторических явлений или даже для определения будущего их развития – изучить *ab ovo* развитие социальных отношений, может выбрать из богатого материала то, что оказывается более подходящим для его априорных теорий и социальных и политических идеалов.

При таких условиях научное исследование явлений государственной жизни может идти двояким путем. Приходится либо принять на веру ту или иную, более или менее шаткую гипотезу о первоосновах социальных институтов, либо же отказаться от попыток выяснить эти основы в том убеждении, что с точки зрения нашей современной (а вероятно, и будущей) науки представляется невозможным обосновать какую бы то ни было социально-научную дисциплину так, чтобы с достоверностью был установлен весь процесс эволюции подлежащих объяснению явлений с первоначального момента их зарождения. Добросовестному исследователю, который не намерен самостоятельно заняться исследованием первобытной истории и вынужден только пользоваться ее выводами для своих целей, не остается иного выбора, как прибегнуть к этой второй альтернативе.

Такого рода ограничение тем более рационально, что дальнейшая эволюция социальных учреждений, как это подробнее будет показано ниже, не зависит вовсе от их происхождения, ибо при одном и том же исходном пункте один и тот же институт может, напротив, претерпеть самые разнообразные изменения, что, впрочем, и без дальнейших доказательств должно быть допущено всеми теми, кто стремится свести существующее многообразие к первоначальному единству.

Второе ограничение нашей задачи заключается в том, что объектом нашего исследования является по существу только жизнь современных западных государств и их прошлое, поскольку оно необходимо для уяснения настоящего. Эти государства образуют в своем историческом развитии самостоятельную ветвь всей семьи государств. Мир азиатских государств имеет, конечно, общие корни с западноевропейскими государствами, но развитие их шло независимо от последних. Восточная культура, без сомнения, воздействовала на Элладу и Рим, и соответственно этому политические учреждения Египта, Персии и т. д. приобрели определенное значение в истории развития этих государств. Подробное исследование и выяснение влияния древневосточных государств представляется, однако, невозможным, так как мы располагаем в этом отношении слишком недостаточным материалом, и суждения, на нем основанные, могли бы быть только поверхностными. Нам известны только внешние контуры государственного устройства Древнего Востока; но детали образования и исторического развития отдельных институтов – а именно эти детали для нас прежде всего важны – по большей части совершенно не выяснены, и то, что предлагается в виде таких детальных указаний, на самом деле является лишь субъективной конструкцией историков. То, что нам известно о Древнем Востоке, в большинстве случаев может поэтому служить лишь иллюстрацией, но не прочным основанием строго научного и потому построенного на возможно прочном базисе уче-

ния о государстве. Что туземные американские, африканские и полинезийские государственные образования не имели никакой связи с западными, не требует подробных доказательств. Ссылкой на них мы можем пользоваться поэтому только для примера или в виде корректива к слишком поспешным обобщениям.

Такое ограничение задачи во времени и пространстве отнюдь не влечет за собою, однако, неполноты или, по крайней мере, большей неполноты, чем та, которая свойственна всем другим выросшим на исторической почве дисциплинам. История всегда фрагментарна. Требовать, чтобы научное познание было основано на всем историческом прошлом, значит, желать невозможного или проложить путь спекуляции, которая по своей внутренней ценности ничем не отличается от фантастических исторических конструкций прежнего времени, имеющих с современной точки зрения в лучшем случае анекдотическое значение. Но и то обстоятельство, что мы не принимаем во внимание или уделяем меньше внимания истории и современному строю западных государств, не уменьшает научной ценности нашего труда. Прежде всего потому, что мы не обладаем относительно них достаточными сведениями, основанными на точном знакомстве с их историей. А затем – сравнительное изучение образований, исторически и социально не связанных между собою, вообще не может способствовать более глубокому проникновению в их существо; как это подробнее будет показано ниже, мы можем таким путем прийти лишь к общим, но бессодержательным положениям весьма незначительной научной ценности.

Наше изложение мы ограничиваем, наконец, исключением из него политики. Не в том смысле, чтобы мы избегали политических рассуждений, что, очевидно, противоречило бы нашим предыдущим замечаниям об отношении политики к учению о государстве; но мы уделяем внимание политике лишь постольку, поскольку это необходимо для лучшего понимания теоретических проблем. Более подробно мы останавливаемся на промежуточных областях, которые должны быть рассмотрены с точки зрения как учения о государстве, так и политики, на вопросах о внутреннем основании и цели государства, без которых невозможно и законченное теоретическое познание государства.

Глава вторая. Методика учения о государстве

25

1. Необходимость исследования методологических вопросов

Всякий приступающий к исследованию основных социальных проблем не может не почувствовать с первых же шагов отсутствие глубоко продуманной методологии. В литературе учения о государстве господствует в этом отношении величайшая путаница, так как значительная часть авторов, – в том числе и такие, которым мы обязаны весьма плодотворными исследованиями детальных вопросов – вообще не уясняют себе, с какими трудностями связано изучение основных феноменов, с какими приходится считаться тонкими различиями, как велик именно в этой области соблазн принять образы и аналогии за реальные истины. В настоящее время только зарождается систематическая, охватывающая весь предмет и затрагивающая все трудности логика социальных наук, подобная той, которая уже достигла значительных успехов в области естествознания²⁶. Но и эти зачатки относятся преимущественно к истории²⁷, политической экономии²⁸, социологии²⁹ и статистике³⁰, к учению же о государстве – лишь в весьма незначительной мере³¹. Этим следует объяснить, что вплоть до настоящего времени всякое, хотя бы и бессмысленное, измышление из области учения о государстве, если только оно преподносилось с должным апломбом, обращало на себя внимание в литературе и серьезно обсуждалось. Утверждения заменяли факты, убеждения – доказательства, неясность сходилась за глубокомыслие, произвольные умствования – за высшее познание. По этой, главным образом, причине в истории литературы учения о государстве в новейшее время образовался столь значительный пробел, что в течение последних десятилетий ни один систематический труд не сумел привлечь к себе хотя бы некоторого внимания. Старые, ненадежные методы или, точнее, прежнее отсутствие метода несовместимо более с требованиями современной научной мысли. Новые же методы еще только нарождаются, поэтому исследователи стараются, как-нибудь наскоро коснувшись основных понятий, затем уже сосредоточить преимущественное внимание на исследовании деталей. Так как, однако, такое исследование во многих важных пунктах основано на дедукции из этих пренебрегаемых наукой основных понятий, то неизбежны грубые, тормозящие плодотворное развитие науки ошибки.

²⁵ Под учением о государстве в этой главе подразумевается общее и специальное учение о государстве в указанном на стр. 6 смысле. Исключена, таким образом, методика индивидуального учения о государстве.

²⁶ О методике гуманитарных наук вообще трактуют *J. St. Mill*, System der deduktiven und induktiven Logik, перев. *Schiel* II кн. 6; *Sigwart*, Logik, 2 изд., 1893, II, § 104; *W. Dilthey*, Einleitung in die Geisteswissenschaften I, 1883; *Wundt*, Logik, II².

²⁷ Из новейших трудов заслуживают внимания: *G. Simmel*, Die Probleme der Geschichtsphilosophie, 1892; *Bernheim*, Lehrbuch der historischen Methode, изд. 2, 1894; *Windelband*, Geschichte und Naturwissenschaft, 1894; дальнейшие библиографические указания у *Bernheim*'а, стр. 77, 99, 143, 176 сл.

²⁸ Ср. *K. Menger*, Untersuchungen über die Methode der Socialwissenschaften und der polit. Oekonomie insbesondere, 1883; *Gustav Cohn*, System der Nationalökonomie, 1885, I, стр. 1 слл.; *Ad. Wagner*, Grundlegung der polit. Oekonomie, 3 изд., I¹, 1893, § 54 слл., *Schmoller*, статьи Volkswirtschaft, Volkswirtschaftslehre и Methode в *HWB* der Staatwissenschaften, VI, стр. 527 слл. Обширные библиографические указания в обоих последних трудах.

²⁹ Частью указ, в предыд. прим. Кроме того, в частн.: *Stammler*, Wirtschaft und Rechnach der materialistischen Geschichtsauffassung, 1896; *Barth*, Die Philosophie der Geschichte als Sociologie, I, 1897.

³⁰ Ср. *G. Rümelin*, Zur Theorie der Statistik (Reden und Aufsätze 1875), стр. 208 сл., *G. Mayr*, Die Gesetzmässigkeit im Gesellschaftsleben, 1877, стр. 1 сл., *G. v. Mayr*, Theoretische Statistik 1895 (HB des öffentl. Rechts, Einleitungsband, herausg. von M. v. Seydel V) и указ. там литература.

³¹ Соответственные исследования касаются, по общему правилу, методики государственного права, ср. мою System der subjektiven öffentlichen Rechte гл. III. В новейшее время о методе общего государственного права трактует *Rieker* в названной выше на стр. 10 статье.

Всякое исследование основных явлений государственной жизни должно теперь поэтому начинаться с установления методологических принципов на основе результатов новейших изысканий в области теории познания и логики. Лишь при этом условии мы приобретаем надежное орудие, как для критического отношения к прежней литературе, так и для плодотворных самостоятельных исследований. Ниже мы даем поэтому некоторые наиболее существенные указания относительно метода, которому мы следовали в нашем труде, в самых общих, впрочем, чертах; останавливаться, как бы это ни было желательно, на деталях мы не можем, так как это расширило бы наше введение до пределов специального исследования.

2. Отличие социально-научного познания от естественнонаучного

Явления природы отличаются от социальных тем, что в первых можно проследить влияние общих законов таким образом, что каждое отдельное явление может быть непосредственно рассматриваемо как типичное для целой группы. Выяснив в отдельном случае отношение, в котором кислород в соединении с водородом образует воду, мы можем распространить результат на все возможные случаи того же рода; если мы знаем строение какого-либо отдельного животного, то тем самым мы знаем строение и всех других представителей того же вида.

Каждый учебник по естественной истории доказывает, что в этой области как отдельное явление, так и индивид без дальнейшего обоснования рассматриваются как представители общего типа и этим исчерпывается их значение для науки.

Совершенно иначе обстоит дело с историческими и социальными явлениями³². Можно, конечно, и здесь выставить вытекающее из общих принципов теории познания требование, чтобы отдельные явления в их совокупности конструировались как результат действия постоянных законов, проявляющихся в конкретных фактах: при тех средствах и методах, которыми мы располагаем, нам – насколько можно предвидеть – едва ли удастся выяснить такие законы в более или менее значительных размерах. Это относится не только к объясняющим причинную связь явлений каузальным законам, но и к законам эмпирическим, лишь констатирующим посредством определенной и неизменной формулы фактическую правильную повторяемость определенных явлений. В психической области мы не можем пользоваться тем мерилom, которым мы измеряем явления природы, или оно не может, по крайней мере, подвинуть нас далеко вперед. Цель естествознания – превращение качеств в количества – недостижима для мира исторических явлений. Философы истории прежнего времени и современные социологи конструировали, правда, многочисленные исторические законы; но, поскольку речь идет не об общих местах, трудно указать хотя бы двух из них, которые сходились бы в каком-либо существенном пункте. Предполагаемый закон оказывается, по общему правилу, лишь конструкцией, основанной на не могущих быть доказанными предположениях и недостаточном знакомстве с фактами. Поэтому мы и не умеем никогда определить хотя бы с некоторой достоверностью будущее историческое событие, между тем как на основании естественнонаучных данных предсказываются даже сравнительно сложные физические явления.

Причина этого заключается в том, что социальные явления никогда не представляются результатом действия только общих сил, но, прежде всего, и продуктами деятельности определенных индивидов. Но человек существенно отличается от сил природы тем, что в противоположность однородности последних он бесконечно разнообразен. Все силы природы могут быть измерены путем выражения их в определенных единицах силы. Мельчайшие материаль-

---

³² Об исторических и социальных законах ср. *K. Menger*, стр. 32 сл. *Lexis*, ст. Gesetz в HWB der StW. III, стр. 844 сл.; *Schmoller*, HWB. der StW. VI, стр. 557 сл.; *Windeeband*, стр. 21; *Simmel*, стр. 34 сл.; *Bernheim*, стр. 77 сл., 82 слл., 108 сл.; *Rickert*, стр. 44 сл.; *Engels*, Herrn Eugen Dühring's Umwälzung der Wissenschaft, 3 изд., 1894, стр. 77 сл.

ные частицы как в простой форме атома, так и в сложной – молекулы, безусловно, однородны: атом углерода, молекула угольной кислоты, безусловно, тождественны по своим специфическим особенностям с другими атомами и молекулами того же рода. Человеческие же индивиды, напротив, бесконечно различны; в каждом из них имеется своеобразный, не повторяющийся элемент, которым определяется его социальная деятельность. И в природе каждый отдельный объект имеет индивидуальные черты, отличающие его от всех других того же рода. Чем сложнее эти объекты, тем сильнее проявляются в них индивидуализирующие элементы. У высших растений и животных они сразу очевидны для всякого. Но это индивидуальное не составляет или, по крайней мере, лишь в незначительной мере является предметом естественного научного исследования. В человеческих же делах индивидуализирующие элементы преобладают настолько, что игнорирующая их наука может дать лишь скудные, не охватывающие всей полноты реальной жизни результаты³³.

Если таким образом влияние основного фактора всех социальных явлений – индивида – никогда не может быть предусмотрено во всей его полноте, то тем самым доказана невозможность широкого познания социальных законов. Всякий исторический факт, всякое социальное явление, как бы оно ни было однородно и аналогично с другими, всегда определяется индивидуальными моментами, специфически отличающими его от всех других явлений, даже наиболее ему родственных. Ни одно социальное событие никогда не является только представителем определенного рода явлений, но всегда в то же время есть нечто происходящее только однажды, никогда не повторяющееся, как никогда не повторяется тот же индивид в необозримом многообразии человеческих индивидуальностей.

3. Установление типов в социальной науке

Несмотря на это разнообразие, различие между индивидами не настолько значительно, чтобы не существовало определенных общих черт в их психической организации. Рядом с индивидуализирующими в ней заключены и существенные общие элементы. Если бы последних не существовало, вообще невозможно было бы достичь научного познания человека и его дел. Побуждения, способности, склонности до известной степени общи всем людям или более или менее широким общественным группам. Вся наша житейская мудрость основана на познании однородного в человеческой природе, все наши поступки и помыслы о близком и далеком будущем – на убеждении, что в разнообразии дел человеческих всегда проявляется, однако, нечто тождественное, независимое от индивидуальных особенностей.

Этим указывается путь и цель социально-научного исследования. В однородных явлениях природы преобладающее значение для науки имеют элементы тождественные, между тем как в социальных явлениях последние настолько отодвигаются элементами индивидуализирующими, что социальное событие никогда не повторяется в тождественной, а только в аналогичной форме. Естествознание может поэтому игнорировать индивидуализирующие элементы; оно может с успехом уделять внимание только тождественному в явлениях. Однородные социальные события, напротив, лишь в незначительной мере тождественны, преимущественно же – только аналогичны. Общие законы не могут здесь поэтому объяснить отдельное явление: последнее никогда не должно быть рассматриваемо как простое осуществление чего-то общего, проявляющегося в нем в чистом виде, в противном случае мы получим о нем совершенно недостаточное, поверхностное представление. Справедливое замечание римского юриста относительно гражданского права, что всякое определение опасно, так как содержит слишком мало для того, чтобы его нельзя было опровергнуть, приложило ко всем общим поло-

³³ Возможность познания общих формул историко-социальных явлений и неизменно действующих законов их эволюции не должна поэтому быть отрицаема ввиду наличности в них тождественных элементов, но следует признать сомнительным, чтобы наука могла извлечь из них значительные результаты.

жениям во всей области социальных наук. Полнота жизни не уместается в узкие шаблоны. Если же расширить эти шаблоны, то они станут либо настолько бессодержательными и само собою понятными, что едва ли представят какую-либо научную ценность, либо настолько неверными, что будут опровергнуты при самой поверхностной критике³⁴.

Но если мы не в состоянии, по самой природе наших научных средств и методов, раз и навсегда постигнуть весь ход исторической жизни, то трудности, встречаемые наукой на этом пути, значительно уменьшаются, если мы выделим и подвергнем исследованию определенные стороны человеческого общения. Всякое научное обособление уже как таковое страдает, правда, определенными недостатками, так как разум обособляет здесь то, что в жизни проявляется в неразрывном единстве; эти недостатки, однако, могут быть легко сглажены, если только мы вполне сознаем, что достигнутые путем такого обособления результаты не являются чем-либо окончательным, а подлежат непрерывному исправлению путем установления связи между теоретически обособленными явлениями и теми областями, к которым они принадлежат.

При таком обособлении урезывается также значение индивидуального, так что отношение общих факторов к индивидуальным изменяется в пользу первых. Юрист, например, обособляя правовую жизнь народа, рассматривает индивидов только в их отношении к правопорядку, причем игнорируются и в известной мере могут быть игнорируемы многочисленные значительные различия между людьми. Право считается с возрастом и полом человека, его профессией и сословием, внимательным или легкомысленным, злонамеренным или неосторожным способом действий. Более тонкие оттенки личности ускользают от взгляда юриста и судьи. Их удовлетворяют Кай и Тиций, истец и ответчик, представляющие нечто общее, аналогичное тонам в акустике или краскам в оптике. Но в действительной жизни индивидуализируются все сделки и деликты, здесь действует старое правило: *si duo faciunt idem non est idem*. Все вообще купли-продажи, совершаемые на ярмарке, юрист в огромном большинстве подводит под один и тот же тип. Но по их экономическим условиям и целям, по их значению для каждого отдельного домохозяйства они также являют весьма значительное разнообразие, представляющее высокий интерес для того, кто хочет изучить повседневный оборот с народно-хозяйственной, статистической, гигиенической и т. п. точек зрения, ускользающих от юриста. И тот юрист, который считает свои приемы изучения житейских отношений единственно правильными, без сомнения, не может быть признан человеком науки в полном значении этого слова. Ведь всякое преобразование и прогрессивное развитие права исходит, прежде всего, из познания того, что находится вне права – впереди него и за ним.

Но если, таким образом, при обособленном объекте влияние индивидуализирующих элементов относительно меньше, то все-таки оно существует и здесь. Отсюда – многочисленные исключения из юридических правил; этим же объясняется тот факт, что законодатель, конструируя в области гражданского права типы, широко допускает, однако, исходящие от индивидуальной воли отклонения от типа: диспозитивное право есть продукт индивидуализма, которым проникнута и юридическая жизнь. В уголовном праве относительные санкции, основания применения и отмены наказания служат для того, чтобы дать юридическое выражение строго индивидуальному элементу в преступном деянии. Чем более общий характер имеет правоположение, тем более исключений должно быть допущено из него, тем меньше можно с определенностью рассчитывать на то, что оно подтвердится в отдельном случае. Индивидуализирующие элементы являются теми подводными камнями, о которые разбивается всякая попытка широких обобщений в праве. Естественное право, состоящее из одних только общих положений

³⁴ Правильные замечания о «вечных истинах» в историко-социальной области см. у *Энгельса*, стр. 83 слл.; эти замечания странно противоречат, впрочем, попыткам Маркса – Энгельса создать законченную историческую конструкцию в социалистическом направлении.

ний, которые либо не применяются вовсе, либо нигде не осуществляются полностью, представляет поэтому самую резкую противоположность праву положительному.

Сказанное приложимо не только к юридическим, но и к государственным отношениям – как к историческому явлению самого государства, так и к отдельным его членам и функциям. Каждое государство, каждый орган его, каждое событие в жизни государства является прежде всего чем-то совершенно индивидуальным. Но при обособлении государственных явлений в них выступают общие, повторяющиеся во всех элементы, требующие научного выяснения. В строе и составе государств, в характере и размере их функций мы находим благодаря раскрываемой обособлением объекта тождественности известных элементов весьма широкие аналогии. В силу этого государства могут быть классифицируемы, а государственные учреждения – подчинены единым понятиям, и таким образом может быть положено основание науке о государстве. Но и эта наука не должна упускать из виду, что ни одно государство и ни одно государственное учреждение не есть простое осуществление какого-либо абстракта или повторение чего-либо уже существовавшего.

Франция Людовика XIV, Пруссия Фридриха-Вильгельма III и Россия при императоре Александре III не суть просто три отдельных примера одного и того же типа абсолютной монархии, но и три коренным образом различных государственных образования. В силу преобладания над тождественными индивидуализирующими элементами, которые выступают тем ярче, чем больше мы знакомимся со всей совокупностью условий и отношений конкретной жизни отдельного государства, в этой области никогда не наблюдаются вполне равные, а лишь однородные явления: реальные образования не тождественны, а только подобны друг другу.

Этим определяются пределы задачи, к разрешению которой призвана наука. Возможно изучение отдельного государства, описание всех его особенностей, – как с историко-политической, так и юридической стороны. В такой дисциплине все конкретно, положительно, индивидуально, реально. Отдельное государство ни в каком отношении не представляется, однако, явлением обособленным. Ему предшествовало все предыдущее развитие государственных учреждений вообще; более или менее сознательно оно подчинялось влиянию других государств, прежних и современных; вовлеченное в поток исторической жизни оно непрерывно преобразуется под воздействием исторических сил, не ограниченных пределами его территории; находясь в постоянных сношениях с другими государствами, оно должно признавать их равными себе и не может поэтому, при всех своих особенностях, считать себя единственным в своем роде. К изучению отдельного государства должно, таким образом, присоединиться изучение государства вообще и отдельных государственных учреждений, поскольку они развиваются в виде однородных явлений в конкретных государственных образованиях. Только благодаря такому изучению конкретное государство вообще может быть понято в его своеобразии, ибо только оно отделяет типичное от индивидуального, что равно важно как для теоретического познания, так и для политической деятельности.

4. Типы как предмет учения о государстве

Задачей науки о государстве и государственных учреждениях вообще является, таким образом, выяснение этих типических элементов в государственных образованиях и их взаимных отношений друг к другу. Это на первый взгляд столь простое положение нуждается, однако, в подробном пояснении.

Прежде всего должно быть с полной ясностью установлено самое понятие типа. Именно в тех превращениях, которые претерпело это понятие в науке о государстве новейшего времени, сказался переворот, пережитый самой наукой. Понятие типа может быть конструируемо, прежде всего, как обозначение совершенного существа данного рода, мыслимого, по Платону, как идея, лишь несовершенно проявляющаяся в индивидах, или, по Аристотелю, как актив-

ная, формирующая сила, создающая отдельные экземпляры рода. Это – понятие *идеального типа*, которое непрерывно занимало научную мысль со времен эллинской философии через средневековую схоластику вплоть до наших дней.

Этот идеальный тип имеет, однако, существенно телеологическое значение: проявить его есть *тélос* всякого существа и всякого человеческого явления. Он есть не что-либо существующее, а долженствующее существовать³⁵. В силу этого он служит в то же время и мерилom для оценки существующего. То, что соответствует ему, хорошо и имеет право возникнуть и существовать, что не соответствует ему, – должно быть отвергнуто и упразднено.

В учении о государстве это представление об идеальном типе неизбежно приводит к стремлению найти лучшее, наиболее совершенное государство и сравнить с ним существующие государственные учреждения. История же учения о государстве в значительной мере является историей попыток познать типичное государство и в существе означает поэтому превращение всякого учения о государстве в политику. То, что у Платона являлось прямо выраженной целью всякой политической спекуляции, в явном или скрытом виде можно почти целиком найти и в современном учении о государстве. Все попытки выяснить цель государства и его юридическое основание, все естественно-правовые дедукции для обоснования монархического абсолютизма и народного суверенитета, все изображения конституционного государства на основе идеи разделения властей, все теории нашего времени о христианском, национальном, правовом государстве – все это в существе не что иное, как попытки окончательно установить идеальный тип государства.

Теперь, однако, едва ли еще требуется доказывать, что предложенный в каждый данный момент тип открыт не путем научного исследования, а отвлеченной спекуляции, и притом не путем спекуляции спокойно обдуманной и осторожной в своих выводах. В типах государства, пеструю смену которых мы наблюдаем в истории политической литературы, находили выражение наиболее глубокие политические стремления соответственной эпохи и ее партий.

Искать и находить идеальные типы является глубокой и неотъемлемой потребностью человеческой природы, имеющей огромное практическое значение. Политика никогда не могла совершенно ее игнорировать; крупные перевороты в судьбах человечества никогда не являлись результатом простого оппортунизма. Принципы государственных деятелей и партий, стремящихся создать нечто устойчивое, как и, с другой стороны, все революционные стремления в значительной мере почерпают свою силу и стойкость в представлении о необходимости осуществления определенного типа государства.

Значение идеальных типов весьма велико, таким образом, в области практической деятельности, но теоретически-научному познанию они дают весьма мало, ибо объектом теоретической науки служит и всегда будет служить существующее, а не должное, – тот мир, который уже дан, а не тот, который еще имеет быть созданным. Как всякая спекуляция, представление об идеальном типе государства, в конце концов, основано на субъективных убеждениях, причем нередко соглашение между ними представляется недостижимым. Идеальные типы являются, таким образом, в существе объектом не науки, а веры, и этим объясняется столь поразительное сходство политического доктринерства с религиозным фанатизмом.

Противоположность идеальному типу представляет *средний тип*. Сравнивая более или менее значительное количество индивидов по общему им всем признаку, мы также получаем типический образ. Таковы, например, наши типические представления о ребенке, старике, определенных профессиях, классах, национальностях и т. д. Каждый человек создает себе такого рода типы с большей или меньшей отчетливостью, соответственно его склонностям и

³⁵ Следует различать две группы такого рода идеальных типов. Тип является либо продуктом отвлеченной спекуляции (таким, в частности, он является в так называемых утопиях), или же идеальный тип конструируется по образцу существующих государств или их отдельных учреждений.

опыту. Путем создания таких типов мы ориентируемся во многих явлениях нашей социальной жизни, и можно даже сказать, что большинство людей во многих случаях руководствуется только представлением о типе, так как индивидуализирующие элементы отдельного случая ускользают от их внимания. Все социальные, национальные, религиозные предрассудки являются результатом такого типичного мышления. Способность все индивидуализировать есть признак высшей интеллигенции.

Задача науки о государстве, поскольку ее объектом служит не исключительно отдельное государство, состоит в отыскании этих средних типов государственных отношений.

Аналогичный социальный состав, аналогичное историческое развитие, аналогичные внешние условия создают аналогичные политические образования. Вследствие исторической связи, объединяющей все находящиеся во взаимном культурном общении государства, типичные элементы пробивают себе путь повсюду рядом с индивидуальными, преобразуясь соответственно последним.

Эти средние типы мы находим индуктивным путем, т. е. путем тщательного сравнения отдельных государств, их организаций и функций. Этот методологический принцип кажется с первого взгляда весьма простым, но, с одной стороны, необходимо, а с другой – весьма трудно уяснить себе те своеобразные принципы, которыми обусловлена в этой области индукция.

Прежде всего сравнение не должно заходить слишком далеко. Сравнивая государства и государственные учреждения отдаленнейших эпох и самых различных ступеней культурного развития, мы не получим никаких типов или только типы совершенно бесцветные и неопределенные. Чем дальше заходит сравнение, тем больше индивидуализирующих элементов остается в пренебрежении и тем меньше, стало быть, мы познаем при помощи созданного таким образом типа. Наше замечание об исторических законах, что они представляют по большей части лишь тривиальности и общие места, приложимо и к слишком широким обобщениям в области социальных наук. Ярким примером могут служить попытки создания общего сравнительного правоведения. Поскольку эти попытки устанавливают на основании собранного путем сравнения материала общие типы развития права, они приводят либо к бессодержательным общим местам, как, например, что похищение невест предшествует купле их, или обычай кровной мести – публичному наказанию, что ордалии повсюду входят в систему доказательств на определенной ступени культурного развития³⁶, что левират наблюдается у многих народов³⁷, – или же приводят к тому необходимому заключению, что при иных условиях все может получить иное развитие. В много-численных новейших изложениях систем права народов низшей или более отдаленной культуры наблюдаются столь многие и отличные друг от друга вариации, что все труднее становится отыскать в этом непрерывно нарастающем хаосе наблюдений и теорий какие-либо пригодные для научных целей типичные явления³⁸.

Отсюда вытекает необходимость, с методологической точки зрения, ограничиться изучением государств, выросших на общей исторической почве, а также образующих эту общую почву политических образований прошлого. Более или менее значительное совпадение в строе и функциях государств можно проследить лишь там, где существуют общие исторические, политические и социальные основы. Наблюдение над другими группами государств, без сомнения, может служить коррективом к полученным выводам, убеждая нас, что многое из того, что мы склонны считать абсолютным, относящимся к государству вообще, в действительности является исторически обусловленным и потому относительным.

---

³⁶ Kohler. Das Recht als Kulturerbscheinung, 1885, стр. 8 сл., 20 сл., 23.

³⁷ Ср. Post, Einleitung in das Studium der ethnologischen Jurisprudenz 1886, стр. 28 сл.

³⁸ Весьма поучителен в этом отношении Post, Afrikanische Jurisprudenz, 2 т., 1887, который и сам не в состоянии извлечь какой-либо общий вывод из собранного им материала.

Но и в пределах системы государств, выделенных таким образом из ряда всех вообще государств, сравнительный метод должен быть применяем с осторожностью. Как уже упомянуто выше, все человеческие учреждения, а стало быть, и государство, имеют динамический характер или, другими словами, существо государства не остается во все времена неизменным, а, наоборот, постоянно преобразуется в соответствии с эволюционным процессом общечеловеческой истории. Чтобы получить широкую типическую картину государства, следует поэтому сравнивать государственные образования одновременные или, по крайней мере, не отделенные друг от друга значительным промежутком времени. Типичные элементы не будут, правда, вовсе отсутствовать и в том случае, если мы будем сравнивать, например, античные государства с современными, но, вследствие глубокого различия между этими государствами, поставленными в совершенно различные исторические условия, индивидуализирующие элементы будут, при сравнении, преобладать над типичными. Это ясно обнаруживается, когда мы рассматриваем, например, как звенья одной и той же цепи античную и современную демократию, римскую императорскую и новейшую абсолютную монархию.

Из сказанного вытекает далее изменчивость типа и *pro futuro*. Всякое новое образование может содержать в себе какой-либо элемент, считавшийся до тех пор типичным, в индивидуальной окраске и, стало быть, как не существенный для типа. Лучшей иллюстрацией этого факта может служить история понятия союзного государства. Этот новый тип, возникший с основанием североамериканской унии, первоначально был конструирован в теории исключительно на почве отношений, характерных для Соединенных Штатов, и таким образом свойства индивидуальные признаны родовыми. Поэтому, например, существенным признаком новой формы унии считали полную взаимную независимость государственной власти союзной и отдельных государств. Созданный под влиянием североамериканской унии Швейцарский союз 1848 г. и еще более Германская империя не могли, однако, вместиться в эту шаблонную формулу, и для науки возникла трудная задача видоизменить самую конструкцию типа, чтобы он мог обнять и новые аналогичные образования. Это не значит, однако, чтобы труд прежних исследователей можно было признать напрасно потраченным; то, что конструировалось как понятие родовое, низведено только на степень видового понятия в пределах рода.

Сами типы вовлечены, таким образом, в поток исторической жизни; они варьируются в соответствии с особенностями исторической обстановки, усложняются, распадаются на виды и подвиды. Для науки возникает, таким образом, новая задача – определить тот путь, по которому движется преобразование и развитие отдельных типов. Так возникают для нее типы существующих рядом друг с другом и типы сменяющих друг друга государств и государственных учреждений. Учение о государстве должно поэтому искать и находить *типы развития* и *типы существования* (динамические и статические типы) государственных явлений.

Установленные таким образом типы не всегда, однако, и не повсюду проявляются в чистом виде, в силу наличности индивидуализирующих элементов. Всегда будут иметь место отклонения в самых разнообразных направлениях, как это и присуще среднему типу, который конструируется именно путем отвлечения признаков, общих значительному большинству единичных явлений.

В этом отношении, впрочем, социальные явления не отличаются от явлений природы. Отдельные индивиды какого-либо вида животных, при всем сходстве их существенных признаков, представляют, однако, и более или менее значительные отклонения от типа в других признаках – вплоть до отклонений уродливых, знаменующих полное вырождение типа. Считаясь с этими возможными отклонениями, мы предохраняем себя и от того, к сожалению нередкого, мелочного педантизма, с которым государственно-правовой или политический синтез нередко отвергается только потому, что он не обнимает того или иного частного случая³⁹. С другой сто-

³⁹ К типам в их отношении к единичным случаям применимо замечание римского юриста Юлиана L. 10 D. de legibus 1,3:

роны, представление о том, что речь идет о познании средних, а не идеальных типов, ограждает нас от столь вредного в практическом отношении доктринерства, стремящегося преобразовать данные отношения по определенному образцу, как бы это ни противоречило действительной, конкретной обстановке⁴⁰.

Научное значение искания и установления средних типов сводится к следующему. Теоретически это, прежде всего, удовлетворяет синтетической потребности свести многообразие явлений к единству, – что составляет и высшую цель науки вообще. Целью является при этом, однако, не только достижение ясности и единства в многообразии, но и основательное познание единичного явления, которому только таким путем и уделяется надлежащее место во всей совокупности социальных явлений. Путем выяснения типических элементов познаются далее, как уже упомянуто, и индивидуальные особенности каждого отдельного политического образования как не заключающийся в типе остаток его свойств.

С практической стороны тип представляется *эвристическим принципом*. В каждом отдельном случае из него могут быть с большой вероятностью выведены определенные заключения относительно развития индивидуального явления государственной жизни. Одинаковый тип указывает на аналогичное развитие соответственного образования и в будущем. Когда говорят об уроках истории, то – сознательно или бессознательно – имеют в виду типический элемент в социальных явлениях. История вообще может быть поучительной только потому, что при одинаковых условиях повторяются аналогичные явления. Политика в научном смысле, или учение о разумном устройстве государственных дел, вообще возможна только потому, что жизнь государства являет в изменчивом постоянное.

Типы, исследуемые учением о государстве, могут быть двоякого рода, соответственно двум научным точкам зрения, с которых государство может быть рассматриваемо, – историко-социальной и юридической. Поэтому необходимы и различные методы исследования той и другой стороны государственной жизни. Социальная природа государства познается при помощи методов, применяемых в исторических и общественных науках, а юридическая природа его – посредством метода, господствующего в правоведении. Здесь нам необходимо еще сделать несколько замечаний об историческом методе в учении о государстве, а также о юридическом методе исследования в общем учении о государственном праве.

5. Исторический метод исследования в области учения о государстве

Теперь давно уже стало общим местом, что научное познание какого-либо учреждения необходимо предполагает историческое исследование его. Впервые это положение выставила и применила историческая школа юристов, к которой примкнула затем политико-экономическая историческая школа. Исторический материал, собранный кропотливым трудом целых поколений, представляется почти необозримым. Тем не менее ни в одной, даже ограниченной области, не может быть речи об исчерпывающей полноте материала, которая вообще представляется недостижимой. Но и с имеющимся материалом едва возможно совладать, – даже иссле-

---

neque leges, neque senatus consulta ita scribi possunt, ut omnes casus, qui quandoque inciderint, comprehendantur, sed sufficit et ea, quae plerumque accidunt, contineri. *Tezner*, напр., критикуя мою *System der subj.-öffentl. Rechte* в *Grünhuts Zeitschrift f. Privat-und öff. Recht* XXI, стр. 253, замечает в отношении к публичному праву: «Едва нам начинает казаться, что мы напали на верный след к формулировке общего положения, как мы неизбежно сталкиваемся с каким-либо незаметным постановлением редко применяемого закона, показывающим, что этот след ложный»; такой взгляд равносителен полному отречению от возможности достигнуть высших точек зрения, и не только для юриспруденции, но и для всех социальных наук и даже для значительной части наук естественных, ибо и в природе реальность никогда не совпадает совершенно с типом, формулируемым в общем законе. Исключения существуют и из того положения, что человеческая рука имеет пять пальцев. На каждой ярмарке мы видим экземпляры людей и млекопитающих, значительно уклоняющихся от антропологических и зоологических типов.

⁴⁰ В каждой формулировке типа безмолвно предполагаются поэтому оговорки: «по общему правилу» и «rebus sic stantibus».

дование, посвященное какой-либо отдельной специальной проблеме, рискует быть подавленным количеством подготовительной исторической работы.

Неизбежно возникает, таким образом, вопрос, в какой мере понимание существующего учреждения обусловлено изучением его истории. Если бы мы должны были ответить на этот вопрос так, что изучение существующего возможно только при совершенно свободном от проблем познании прошлого, то последним словом мудрости в этой области могло бы быть лишь безнадежное *ignorabimus*.

В действительности, однако, такое пессимистическое решение вопроса было бы неправильно. Возникновение и развитие исторического метода исследования находится в тесной связи с успехами эволюционного метода во всей вообще области знания. Всякий исторический метод исследования – прямо или косвенно – основан на убеждении, что история должна выяснить нам не простую только смену явлений, а их живое образование, их рост и исчезновение. Для теоретических и прикладных социальных наук исторические явления распадаются поэтому на две категории – имеющие научное значение и лишенный такового; это различие, конечно, только относительно, и результаты его различны для каждой отдельной области знания.

В частности, для учения о государстве, поскольку оно стремится объяснить современное государство, из этого вытекают следующие положения.

Учреждения меняются, но не всякое изменение есть развитие; последним являются только такие изменения, которые ведут от простого к сложному. Прогрессирующую величину, продолжительность, интенсивность явления, увеличивающуюся многосторонность и продуктивность учреждения называют их развитием. Юридические и государственные учреждения нередко меняются, однако не развиваясь при этом и даже регрессируя. Простое изменение имеет место, если с течением времени меняется цель учреждения, ибо развитие социальных учреждений предполагает сохранение прежних целей рядом с вновь возникающими.

Там же, где цели только изменяются, существует лишь чисто внешняя связь нескольких, отделенных друг от друга определенным периодом времени явлений⁴¹. Поясним это несколькими примерами.

Современное жюри произошло от свидетельского жюри норманского права. Последнее первоначально дает свидетельское показание, но не оценивает доказательств. В XVI столетии оно преобразуется в Англии в судебное жюри. Перед жюри начинают приводить доказательства, так как то, что известно о деле самому жюри, оказывается уже недостаточным. Таким образом, жюри произносит теперь вердикт уже не на основании фактов, известных ему самому, а на основании фактов, ему сообщенных. Институт судебного жюри рецепируется затем французским правом и при этом вновь преобразуется – но не получает дальнейшего развития, ибо здесь, между прочим, компетенция его ограничивается решением вопросов факта.

Палата лордов есть высшее судебное место Британской империи. Жалобы палаты общин против высших государственных должностных лиц уже в XIV столетии могли поэтому рассматриваться только этим верховным судом.

Североамериканское право заимствовало это учреждение. Палата депутатов является в таких случаях истцом, сенат, представитель штатов, – судьей. Но сенат не есть высшее судебное учреждение унии⁴². Английское учреждение подверглось таким образом в Соединенных Штатах преобразованию, но не дальнейшему развитию.

---

⁴¹ Правильные замечания о целевых метаморфозах нравов у Wundt'a, *Ethik*, 2 изд., 1892, стр. 114 сл. – Неправильно понято существо развития права Kohler'ом, н. соч. стр. 23, приравнивающим его постоянному изменению целей.

⁴² В процессах против президента союза председательствует верховный судья унии, что опять-таки лишь внешним образом напоминает английский порядок, согласно которому в таких случаях председательствует Lord High Steward, а не как всегда в палате лордов – лорд-канцлер.

Усыновление возникло, вероятно, в связи с культом предков. Бездетность представлялась арийским народам величайшим несчастьем, так как именно члены семьи должны были приносить жертвы душам умерших предков. Поэтому было создано искусственное агнатское родство, чтобы не прерывать постоянства жертвоприношений⁴³. Усыновление существует и теперь; но оно изменилось, а не развилось, так как цель этого института в современном праве не находится ни в какой связи с его первоначальной целью.

Германский брак первоначально совершался, вероятно, посредством похищения невесты, затем покупки ее, уступившей впоследствии место помолвке, – покупная цена превращается в Wittum позднейшего немецкого права.

К помолвке присоединяется венчание лицом, которому принадлежит отеческая власть (Muntwalt) над невестой, и этим власть передается жениху. Католическая церковь требует затем изъявления согласия брачующихся в присутствии духовного лица и двух свидетелей, и из этой церковно-католической формы, в свою очередь, произошли формы протестантского и гражданского брака. Эти церковные и гражданские формы заключения брака представляют, однако, только изменение, а не развитие древнего права.

Это изменение цели социальных учреждений представляется явлением величайшей важности. Чем учреждение древнее, тем более вероятно, что оно не сохранило или, по крайней мере, не сохранило в чистом виде своих первоначальных целей. Мы, естественно, всегда стремимся связать политические и юридические институты с существующими отношениями, приспособляя их к возникающей в каждый данный момент новой цели. Нередко сохраняются, далее, институты, уже давно не соответствующие создавшей их цели, – в силу социальной инерции или интересов тех лиц, которые умеют, для собственной выгоды, настоять на удержании институтов, потерявших всякую цель. Обильные примеры того и другого мы видим и при самом поверхностном изучении истории публичных учреждений. Так, первоначально личная власть графа как должностного лица превратилась в наследственное территориальное верховенство; мелкий землевладелец отдавал себя под защиту крупного, и из этого отношения покровительства возникает несвободное состояние, под конец ничем не возмещаемое; добровольный дар сословий превращается в односторонне взимаемый государством налог; из петиций и жалоб английских сословий возникает конституционный закон; незнание Георгом I английского языка и неспособность его вследствие этого председательствовать в совете кабинета повели к тому, что последующие английские короли устранились от участия в совещаниях кабинета, и т. д.

Уяснение переменного характера целей во многих направлениях имеет решающее значение для уяснения критерия и метода исторического исследования социальных учреждений. Прежде всего оно доказывает, что для понимания природы существующего явления не требуется знания всего его прошлого. Лишь с того момента, когда впервые проявляются его современные цели, когда зарождается таким образом живая связь с настоящим, – начинается его развитие, лучшему пониманию которого учит нас история. То, что предшествует этому развитию, не содействует уже научному выяснению настоящего. Существо усыновления в его современном значении не делается для меня понятнее от того, что я узнал происхождение усыновления от культа предков, так как отсутствует всякая живая связь между настоящим и этими исчезнувшими религиозными представлениями. Столь же мало значения имеют исследования о браке через похищение или покупку невест для познания нашего современного брака.

Это, конечно, не умаляет важной самостоятельной ценности таких исторических изысканий, равно как и большого значения их для других областей знания. Выясняя происхождение социальных явлений, они доказывают их постоянную обусловленность разнообразными естественными, психологическими, этическими причинами и обстоятельствами. Но существенно

⁴³ Ср. *Fustel de Coulanges*, *La cité antique* изд., II, 1885, стр. 55 сл.; *E. Rhode*, *Psyché*, 2 изд., 1898, стр. 251 сл.

они служат, однако, для понимания прошлого, не настоящего. Для последнего достаточно знания развития. Что не касается развития, относится в интересующей нас области к юридическим и государственным древностям, а не к истории права и государства. С прагматической точки зрения объяснения живых учреждений, из исторического материала выделяется значительная часть, которая в лучшем случае является мертвым балластом, но не движущей вперед силой.

Переменный характер целей побуждает нас к самоограничению еще в другом направлении. Невозможно сознательно, путем законодательного творчества, вдохнуть в существующие учреждения констатированные историческими исследованиями исчезнувшие цели или просто восстановить отошедшие в область истории учреждения ввиду их симпатичных целей. Учение, будто народу достаточно вспомнить свое прошлое, чтобы в силу единства его исторических судеб пробудить к новой жизни отжившие учреждения, неясно и мистически туманно. Этим заблуждением и следует объяснить большую часть практических грехов исторической школы. Попытки такой реставрации могут быть успешны лишь там, где современная жизнь народа способна успешно воспринять в себя учреждения прошлого. Но это отнюдь не есть дальнейшее развитие, а только рецепция того, что было забыто и потому стало чуждым, – рецепция, которая только в редких случаях может быть осуществлена без изменения первоначальной цели отжившего института, вследствие изменения сопровождающих его обстоятельств.

Но и некоторые конечные и высшие принципиальные вопросы общественных наук получают, благодаря уяснению переменного характера социальных целей, неожиданное и в то же время весьма поучительное освещение. В частности, это относится к принципиальной концепции всего социального развития вообще и истории государства и права, в частности. Издавна здесь противостоят два резко расходящихся основных воззрения. Первое, теперь почти всеми оставленное, настаивает на сознательном первоначальном создании государства, права, социальных учреждений; второе, ныне господствующее, усматривает в этом процессе естественное явление, управляемое высшими, непоколебимо противостоящими индивиду силами. Оба принципиальных воззрения неправильны. Первое резко противоречит всякому историческому познанию, допуская, что изолированный, еще совершенно не тронутый культурой человек может с ясным сознанием цели создать то, что в действительности является результатом лишь накопленного тысячелетиями знания. Теория естественного права не уяснила себе переменного характера целей социальных учреждений, и в этом заключается один из основных ее недостатков. Но тем же недостатком страдает, в противоположном направлении, и другое воззрение. Настаивая на естественном происхождении государства и права, будь то из мистического народного духа или под воздействием слепых стихийных сил, оно упускает из виду тот основной факт, что ни одно учреждение не может возникнуть помимо сознательно направленной на определенную цель воли человека. Удовлетворение потребности в пище, жилье, безопасности всегда совершается и у народов, стоящих на низшей ступени культурного развития, при свете сознания. Все учреждения и обычаи таких племен всегда имеют первоначально сознательную цель, быть может, неразумную и вредную, но психологически необходимую. Новейшими исследованиями собран в этом отношении обширный материал. Но сознательная цель некультурных эпох направлена, конечно, не на то, что привносится в нее лишь постепенно развивающейся культурой. Раз выработанные учреждения, нравы, обычаи постепенно меняют свои цели, присоединяются новые цели, нередко совершенно вытесняя или оттесняя на задний план прежние, и таким образом возникают, путем вызванных переменой целей развития и изменений, учреждения, о которых и не думала предыдущая эпоха. Созданное сознанием далеко выходит поэтому, по мере прогрессирующего развития, за пределы создавшего его сознания, и лишь в этом смысле правильно утверждение, что государство и право в их основах не суть продукты сознательной деятельности человека.

Что создание государства есть бессознательный и в то же время, однако, совершающийся при свете сознания процесс, – предугадывали уже великие мыслители Греции, которых традиционное поверхностное учение называет творцами теории исключительно естественного происхождения государства. Для Платона и Аристотеля государство не есть что-либо произвольное. Понятия «быть человеком» и «жить в государстве» были для них неразрывно связаны. Подобно стадным животным или, быть может, еще в большей степени, человек, по Аристотелю, по самой своей природе есть существо общежительное. Государство генетически предшествует индивиду, так как понятие части может быть выведено только из целого, и вне государства живет только божество либо животное. Тем не менее, однако, государство исторически возникает по учению этих мыслителей лишь в силу целесообразных действий индивида.

По Платону, разделение труда вынуждает людей, управляемых стремлением к взаимному пополнению друг друга, объединяться⁴⁴, а по Аристотелю, люди, первоначально живущие, несмотря на стадное чувство, изолированно⁴⁵, образуют под влиянием социальных инстинктов сперва семью, затем сельскую общину и, наконец, государство, в котором стремление людей к взаимному восполнению находит полное удовлетворение. Хотя стремление и прирожденная склонность к государственной жизни общи всем людям, Аристотель называет, однако, величайшим благодетелем человечества того, кто первый осуществил государство⁴⁶. Но в основанном таким образом государстве тотчас же начинается процесс развития вследствие усложнения первоначальной цели. Возникнув в интересах жизни к таковой, государство существует *το αὐτὸ τὸ βελτιωτικόν*, для жизни совершенной.

Учение о переменном характере социальных целей ясно обнаруживает также ошибочность теории органического возникновения и развития социальных явлений. По общему правилу об органическом происхождении учреждения говорят только вследствие незнакомства или недостаточного знакомства с процессом этого возникновения и развития. Не зная, как учреждение в действительности развилось, мы думаем, что сознание вообще не принимало здесь никакого участия. Чем отдаленнее от нас какой-либо исторический процесс, чем меньше источников сохранилось о деталях его развития, тем охотнее приверженцы органической теории государства и общества ссылаются на него для обоснования своих гипотез; и, напротив, то, что возникло при свете исторического сознания и, стало быть, в частности, в новейшее время, нередко называют неорганическим и потому отвергают. На этом основании старые учреждения представляются часто органическими, новые, – процесс развития которых ясно виден, – механическими. Но чем глубже проникает исторический анализ, тем более он убеждает нас в том, что должно было бы быть понятно само собою, – что все учреждения обязаны своим происхождением сознательным волевым актам и только вследствие изменения цели становятся чуждыми первоначальной причине их возникновения и потому получают вид образований, бытие которых не зависит от воли человека.

Кроме изменения цели, на развитие социальных институтов влияет еще и другая причина. Если, с одной стороны, всякое действие неизбежно имеет какую-либо цель, то, с другой стороны, не всякое действие служит к достижению предположенной или исключительно только предположенной цели. Всякое действие может иметь социальные последствия, которых нельзя не только предвидеть, но нередко даже и предчувствовать. Вследствие чрезвычайного многообразия и сложности социальных отношений деятельность человека может послужить источником и не предусмотренных последствий. Последствия новых правоположений, новых должностей, новых налогов, поведения, парламентских партий, торгового договора, объявляе-

⁴⁴ Rep. II, 369 слл.

⁴⁵ “Ἰσποράδες γάρ κ αἱ εὐτω το σρχα< ον κκουν ” Pol. I, 2 1252 b, 24 Bekk.

⁴⁶ φύσει $\mu\text{D}\nu$ οαν ' $\text{P}\rho\mu^*\text{s}^{\text{TM}\nu}$ $\pi\text{C}\sigma\text{ιν}^{\text{TM}\pi}$ ν τg\ ν τοιαύτην κοινωνίαν, **D** δε πρ ἴτος συστήσας μεγίστων Cγαξιν α Φτιος
” ib. 1253.30.

ния войны, уступки территории, заключения мира и т. д. никогда не могут быть предусмотрены с точностью. Все эти события имеют ближайшие непосредственные цели, без сомнения, сознаваемые их активными участниками. Но последние не могут знать, достигнут ли они этих целей, не повлекут ли их действия каких-либо иных желательных или нежелательных последствий. При тесной внутренней связи всех социальных явлений результаты исторического акта, для его участников строго телеологически-детерминированного, могут даже вообще выйти за пределы доступного чело-веку предвидения. Стоит только вспомнить о великих всемирно-исторических решительных сражениях, последствия которых, по необходимости скрытые от самих участников, отражаются на всей дальнейшей судьбе человечества. Всякое новое техническое изобретение влечет за собою последствия, которые не могут быть предусмотрены, каждый шаг вперед в области хозяйственного производства имеет, рядом с предусмотренными благоприятными, и не предусмотренные вредные последствия в общей экономии народного хозяйства.

Эти непредусмотренные и не могущие быть предусмотренными последствия социальных учреждений еще усиливают впечатление, будто создание их, в особенности, когда мы не умеем точно отличить предусмотренное от непредусмотренного, вообще не зависит от воли человека и представляется поэтому естественным органическим процессом. Но это «естественное и органическое» присуще всякому, даже самому незначительному и ошибочному человеческому действию. Ни один волевой акт не вызывает во внешнем мире изменений, которые могли бы быть предусмотрены полностью, и является поэтому одновременно разумной и неразумной естественной силой. Благочестивые богомольцы благоговейно целуют изображение святого, но это целование в течение столетий стоило пальца знаменитому созданию Микеланджело в соборе св. Петра.

Здесь не место останавливаться на том, какое значение, кроме того, имеет обыкновение рассматривать социальные и государственные учреждения как образования, совершенно независимые от человеческой воли. Чем дольше существует учреждение, тем в большинстве случаев труднее преобразовать его. Несмотря на то, существование его всегда требует сознательных волевых актов. В существе оно ведь есть не что иное, как сумма планомерно согласованных актов человеческой воли.

6. Юридический метод в учении о государстве

47

Он применим к установлению принципов учения о государственном праве и к развитию их содержания. Учение о государственном праве есть, как уже упомянуто, наука нормативная. Нормы его должны быть строго отличаемы от положений о бытии государства как социального явления. Значительная часть методологических контrovers в государственном праве вытекает из неясного представления о двойственной природе государства и вызываемом ею различии между посвященными государству науками.

Познание этого исключает всякую возможность перенесения неюридических методов исследования из области социальной в юридическую область учения о государстве. К социальной области относится и право в качестве социальной функции. История и социальная наука, равно как и политика, изучают также право, его возникновение, развитие, действующие в нем экономические, этические, национальные идеи, его влияние на всю народную жизнь. Но догматическое содержание юридических норм может быть изучаемо исключительно только при помощи юридического искусства абстрагирования от правовых явлений и дедукции из выясненных таким путем норм. Эта догматика права не может быть заменена иного рода наукой. Однако односторонняя догматика, стремящаяся обнять все явление права, этой цели не дости-

⁴⁷ См. подробные выводы в System der Subj. öff. Rechte, стр. 13 сл.

гает, ибо, как это уже достаточно выяснено сказанным, она нуждается для плодотворности ее изысканий в пополнении другими посвященными государству дисциплинами.

Все исследования об эмпирическом, биологическом, естественнонаучном, социологическом методах изучения государства в действительности относятся к социальному учению о государстве. В государственном праве применим только юридический метод, который, однако, должен считаться с особенностями публичного права. Юридическое – не то же, что частно-правовое. Простое, чуждое критики перенесение гражданско-правовых понятий в публичное право, без сомнения, представляется методологической ошибкой, хотя существуют юридические формы, общие всем областям права. Тем не менее точно так же нельзя говорить о гражданско-правовом или государственно-правовом методе, как в естествознании о совершенно самостоятельном химическом или механическом методе. Единый юридический метод должен, напротив, как и всякий другой метод, приспособляться к особенностям подлежащего изучению объекта. Публичные права и правоотношения по своей природе отличны от частных. Всякое научное юридическое исследование должно не стирать это различие материала, а считаться с ним. Тот факт, что это не всегда соблюдается, ничего не говорит против единства метода, а доказывает только, что он не всегда правильно применяется.

Глава третья. История учения о государстве

48

Учение о государстве относится к древнейшим научным дисциплинам. Оно образует весьма важную, широко развитую ветвь уже в древнегреческой науке.

Это находится в связи со всем мирозерцанием греков. Государство было для них не только политическим, но и религиозным общением, и этические проблемы представлялись поэтому тесно связанными с политическими. Совершенно вне государства или в государстве, но в качестве чего-то самостоятельно ему противостоящего – для них не существует общежития. Так как интерес к этическим проблемам скоро превзошел, а затем и совершенно вытеснил все другие, то на первый план выступают в научных исследованиях, рядом с этическими проблемами, основные вопросы учения о государстве. В соответствии с практической тенденцией спекуляции в области этики исследования имеют своим предметом прежде всего выяснение общих принципов как основы политической деятельности. Судя по дошедшим до нас данным о первых проявлениях политического мышления, оно занято поисками мерила для существующего порядка, которое одни находят в природе, другие – в человеческих нормах. Борьба противоположных воззрений сосредоточивается, однако, главным образом на вопросе о наиболее целесообразном устройстве государства и о том положении, которое в отношении к нему должен занять индивид. Этим положена основа тому направлению в учении о государстве, которое считает важнейшим своим объектом вопрос об идеальном типе государства. Первый вопрос, вытекающий из научной потребности в познании государства, сводится не к формуле, что такое государство, а – как оно должно быть устроено? Уже от мыслителей, не находившихся под влиянием учения Сократа, каковы, например, Фалес из Халкедона и Харонд Милетский, до нас дошли отрывки конструкций идеального государства. В эпоху же расцвета греческой философии вопрос о наиболее совершенном государстве является главнейшим объектом политической спекуляции. Наиболее ярко это выступает у *Платона*, великие политические произведения которого посвящены изложению идеального и ближайшего к идеалу государства. И у *Аристотеля*, как это видно из всей системы его труда, познание лучшего государства служит конечной целью всей государственной науки: государство, всего лучше выполняющее присущую ему цель, представляет, как и все вообще желательное с этической точки зрения, важнейший предмет практического познания. В поаристотелевских школах и вплоть до последних представителей античного государствоведения теоретические интересы познания совершенно исчезают и на первый план выступают практические и политические интересы индивида; главным предметом исследования остается поэтому идеальное государство. Основная политиче-

⁴⁸ Литература: сочинения, обнимающие всю историю учения о государстве: *Glafey*, Vollständige Geschichte des Rechts der Vernunft, 1739; *Weitzel*, Geschichte der Staatswissenschaft I, II, 1832–33; *Fr. I. Stahl*, Die philosophie des Rechts, 4 изд., I, 1870; *Ahrens*, Naturrecht oder Philosophie des Rechts und des Staates, 6 изд. 1870, I, стр. 13–212; *R. v. Mohl*, Geschichte und Litteratur der Staatswissenschaften I, 1855, стр. 217–264; *F. V. Raumer*, Ueber die geschichtliche Entwicklung der Begriffe von Recht, Staat und Politik, 3 изд. 1861; *Janet*, Histoire de la science politique I, II, 3 изд. 1887; *Pollock*, An introduction to the history of the science of politics, London 1893; *Rehm*, Geschichte der Staatsrechtswissenschaft (Handb. des öff. Rechts, Einleitungsband I), 1896; его же, Allgemeine Staatslehre (Handb. des öff. R., Einleitungsband II), 1899 стр. 209 слл. – Об отдельных эпохах: *Hildenbrand*, Geschichte und System der Rechts und Staatsphilosophie I, 1860 (Altertum); *Gomperz*, Griechische Denker I, 1896; *Gierke*, Das deutsche Genossenschaftsrecht III, 1881; Die Staats und Korporationslehre d. Altertums und Mittelalters; его же, Iohannes Althusius und die Entwicklung der naturrechtlichen Staatstheorien (Mittelalter und Neuzeit); *Ad. Franck*, Reformateurs et publicistes de l'Europe, moyen âge-renaissance 1864, dix septième siècle 1881, dix-huitième siècle 1893; *Bluntschli*, Geschichte des allgemeinen Staatsrechts und der Politik. 2 изд. 1867. Seit dem 16 Jahrh bis zur Gegenwart, 2 изд., 1867; *I. H. Fichte*, Die philosophischen Lehren von Recht, Staat und Sitte in Deutschland, Frankreich und England, von der Mitte des 18 Jahrh. bis zur Gegenwart, 1850; *Vorländer*, Geschichte der philosophischen Moral, Rechts und Staatslehre der Engländer und Franzosen, 1855; *G. Koch*, Beiträge zur Geschichte der politischen Ideen, I, II, 1892–1896; *H. Michel*, L'idée de l'état. Essai critique sur l'histoire des théories sociales et politiques en France depuis la révolution, Paris, 1895.

ская проблема поаристотелевой науки о государстве сводится к вопросу, каким должно быть государство, чтобы и мудрый мог в нем участвовать.

Рядом с такими спекулятивными попытками выяснить идеальный тип государства пролагает себе путь и другое направление, имеющее своим предметом изучение реального состояния государства. Идеальное может ведь быть познано только из его противоположности. Кто призван улучшать – должен знать реальную жизнь с присущими ей недостатками. Реформа учреждений невозможна без критики существующего. Такая, – первоначально, конечно, бессистемная, – критика возникала, естественно, при широком развитии общественной жизни в Афинах. В частности, резко критическое отношение к действительности проявляется у софистов, развивших также учение о реальном государстве. Многие из того, что приписывается платоновскому и аристотелевскому учению о государстве, относится, вероятно, к предшествовавшей эпохе, политическая литература которой, к сожалению, сохранилась лишь в немногих отрывках.⁴⁹

У Платона мы находим уже подробные рассуждения, посвященные познанию образования, бытия и судеб существующих государств. Аристотель, стремясь построить все здание практической науки на изучении существующего, подвергает тщательному исследованию с удивительной последовательностью и энергией существующий мир государств, усматривая в этом необходимый подготовительный труд к разрешению важнейших практических проблем. Таким образом, он становится творцом систематического научного государствоведения, которое, как наука теоретическая, стоит рядом с практической политикой, стремящейся осуществить еще не существующее лучшее. В мире современных ему государств он стремится установить точным образом эмпирические типы и их подразделения, так как он уже сознает и считается с влиянием индивидуализирующих факторов. Аристотель устанавливает типы не только существования, но и жизненных процессов государств; жизнь государства рассматривается с определенных телеологических точек зрения, и таким образом кладется основание научно обоснованной реальной политики. Отдельные дисциплины учения о государстве, однако, еще не различаются; все роды исследования государства объединены в одной *политике*. Этот термин, как уже упомянуто, означает у греков учение о *πολις* и, таким образом, совпадает не с нашей политикой, а с наукой о государстве.

Отдельные исследования, относящиеся к учению о государстве, встречаются и в позднейшей литературе классической древности – таков, например, прежде всего, очерк учения о государстве у *Полибия*, сводящийся, впрочем, к политической апологии римского государства; несколько замечаний о государстве и формах его, по большей части заимствованных у греческой науки, мы находим у *Цицерона*.

Литература христианско-средневековой эпохи совершенно чужда идее науки о государстве. Еще более, чем литература древности, она считает достойным изучения лишь должное в его противоположности существующему. Она так далека от реальных политических отношений, от существующего строя современных ей государств, что мы ничего или лишь весьма немногое можем извлечь из нее об особенностях учреждений того времени. Внимание уделяется лишь великой юридической и политической проблеме века – отношению светской власти к церковной. В существе эта литература лишь варьирует заимствованные от древних философов понятия и шаблоны, поскольку они вообще оказываются совместимыми с христианским мирозерцанием. Сюда присоединяется еще влияние римско-правовых конструкций, никогда не вымиравших совершенно и проводимых в общее сознание легистами. Созданию самостоятельной науки о государстве препятствует, прежде всего, отсутствие официально признанного государства. Древнеримское мировое государство нашло свое продолжение в виде управляемой императором и папой средневековой империи, отдельные члены которой не могли счи-

⁴⁹ Ср. *Rehm*, *Geschichte*, стр. 14 сл.

таться государствами в полном значении этого слова. Средние века создали, таким образом, литературу, богатую политическими исследованиями, но бедную самостоятельными теоретическими государственно-научными изысканиями и выводами.

Независимо от этой литературы возникает, однако, новая литература – юридическая, по своей природе обращенная к реальным явлениям жизни. В ней отсутствует, правда, ясное, выработанное на почве существующих отношений понятие государства; но зато она уделяет значительное внимание столь широко развитой тогда корпоративной жизни, мирской и церковной. Романистическое и каноническое учение о корпорации, указание на значение которого в истории учения о государстве составляет великую заслугу *Gierke*, являет ряд весьма глубоких идей, нашедших затем дальнейшее развитие в приобретшем самостоятельность учении о государстве. Это учение о корпорации совершило резкий переворот во всей научной постановке теоретических государственных проблем. Если философия древних и основанная на ней схоластическая литература конструируют государство как долженствующий быть осуществленным идеал, ограничивая, таким образом, всю область государственно-научного мышления политическими исследованиями, то в этой новой литературе подготавливается уже чисто теоретическое воззрение на государство, усматривающее в нем существенно-правовое образование. Учение о государстве становится, таким образом, частью науки о праве, – мысль, чуждая древности. Понятие самостоятельного *jus publicum* исходит, правда, от римлян, но в их юридической литературе отсутствуют сколько-нибудь детальные исследования того *Status reipublicae*, к которому относится это право. У греков, напротив, право никогда не было понято в своеобразной его сущности, и мысль об изучении государства с исключительно юридической точки зрения оставалась им чуждой. Эта связь между учением о государстве и юриспруденцией имела огромное значение для современного развития теоретической науки о государстве.

Новый период, возникший с эпохой Возрождения и Реформации, также начинается политическими исследованиями. Падение средневекового строя ниспровергло или, по крайней мере, пошатнуло веру в прежние авторитеты. Единая средневековая империя заменяется многочисленными, проникнутыми сознанием своей самостоятельности государствами. Возникает поэтому потребность уяснить себе эти новые образования, их ценность и условия их устойчивости. Но цель эта может быть достигнута лишь путем обстоятельных теоретических исследований. Труды *Макиавелли*, в особенности *Жана Бодена*, служащие исходным пунктом современной политической литературы, содержат поэтому ряд весьма значительных исследований о существе, особенностях и формах государств. Как и у Аристотеля, но уже без рабского ему подражания, взоры исследователей вновь обращены к реальному миру, чтобы извлечь из него те типы, на которые рассчитаны общие принципы государственного искусства.

Но новый мир нуждается и в новом прочном обосновании коренным образом изменившихся отношений; этим обоснованием служит естественное право, которое является результатом примирения античных воззрений со средневековыми и особенность которого в значительной мере заключается в том, что, освободившись от теологической основы, оно строит свою самостоятельность не на Божественном велении, а на внутренней необходимости. Это естественное право первоначально касается преимущественно области публичного права. Государство, его возникновение, существо и функции дедуцируются из естественного права. Таким образом возникает общее учение о государстве, уже с самого начала являющееся теорией правовой, сознательно противопоставляемой политическому способу изучения государства. Уже *Гуго Гроций* отмечает самостоятельность этого права в отношении к политике⁵⁰. Несмотря на то, последующие представители теории естественного права вновь нередко смешивают право с политикой, и это вполне понятно, так как наиболее выдающиеся и влиятельные авторы живо заинтересованы в текущих политических событиях и своими исследованиями стремятся

⁵⁰ De jure belli et pacis. Proleg. § 57.

прежде всего теоретически обосновать их практические требования. У Гоббса и Локка, Спинозы и Пуфендорфа, как впоследствии у Руссо и Канта, очевидной целью теоретических изысканий является выяснение читателю нормального государства. Государство же повсюду представляется учреждением, возникшим из права и постоянно опирающимся на юридическое основание – государственный договор.

Дисциплину общего государственного права, отрешенную от политики, создали авторы, не игравшие передовой роли в умственном движении эпохи и стремившиеся только к систематической обработке идей более выдающихся мыслителей. Уже Липсиус⁵¹ трактует политику независимо от государственного права, а затем голландец Ульрих Губер делает попытку изложить в своей книге о государстве *nova disciplina juris publici universalis*, строго отличая ее от политики⁵². Губер является творцом не учения, а термина общего государственного права, которому затем посвящают свои труды многочисленные исследователи. В основу дисциплины положены естественное право и историческое наблюдение. Она поэтому ближе к действительности, чем та же теория естественного права в области гражданских правоотношений, которая, правда, не имела здесь такого методологического образца, как учение Аристотеля. Со времени Пуфендорфа⁵³ в обширных системах естественного права общему государственному праву отводятся особые книги или отделы.

Требование безусловного отграничения политики от права не проводится, однако, строго в литературе естественного права. Практический интерес настолько преобладает над теоретическим, что и систематическое учение естественного права принимает участие в борьбе за преобразование государственных отношений и даже является одним из могучих духовных факторов в этом преобразовательном процессе. Влияние, оказанное Пуфендорфом, Томазием, Вольфом и, наконец, Кантом на политическое мышление их эпохи, лишь немногим уступало влиянию мыслителей, непосредственно выдвигавших на первый план практическую цель их теорий, как Локк и Руссо.

Когда закончилось господство теории естественного права, отпрыском общего государственного права с явно выраженной политической тенденцией является общее конституционное право конституционных государств. Монтескье в его знаменитом “*Esprit des lois*” усматривает реальный политический идеал в государстве, целью которого служит политическая свобода его граждан, и выставляет поэтому Англию образцом конституционного государственного устройства. Английские учреждения, как они были поняты и заимствованы во Франции, дают толчок учению об идеальном конституционном государстве, в частности, на почве идей Мирабо, Сийеса и Бенжамена Констана. Это общее конституционное государственное право, излагаемое в многочисленных французских и немецких исследованиях, в свою очередь, оказало значительное влияние на практическую политику, послужив основой программы либеральных партий, в частности и в Германии.

Великий переворот в научном мышлении, характеризующий конец XVIII и начало XIX века, отразился и в области государственных наук. Прежние направления и тенденции, правда, не исчезают. Политические писатели, нередко с большим практическим влиянием, по-прежнему конструируют идеальные типы государства, осуществление которых входит затем в программу политических партий. Но рядом с этим выдвигается, в соответствии с общим подъемом научного духа в Новое время, потребность в объективном познании исторически развив-

⁵¹ Lipsius, *Politiorum sive civilis doctrinae libri VI*, 1590.

⁵² Huber, *De jure civitatis libri tres novam juris publici universalis disciplinam continentes*, ed. quarta 1708 (ed. princeps 1672). О различии общего государственного права и политики LI, sect. I, 1 § 14.

⁵³ Pufendorf посвящает в его *De jure naturae et gentium libr. VIII* общему государственному праву две последние книги, не употребляя, однако, особого термина для обозначения этой части естественного права. В Германии первым популяризировал термин “*allgemeines Staatsrecht*”, по-видимому, I. H. Böhmer, *Introductio in jus publicum universale ex geminis juris naturae principiiis* 1710.

шегося, существующего государства. Развитие новых областей знания, находящихся в тесной внутренней связи с государственной жизнью, делает возможным изучение проблем этой последней с новых точек зрения. В противоположность естественному праву, конструировавшему государство как исключительно правовой институт, покоящийся на исключительно юридическом основании, научное сознание новой эпохи все более проникается идеей о многосторонности природы государства. Это проявляется и в том, что все более пролагает себе путь воззрение, что основная государственная наука является не только юридическим учением о государстве, но и самостоятельной дисциплиной, стремящейся установить предшествующую праву и выходящую за его пределы природу государства, для выяснения которой приемы юридического исследования недостаточны. Таким образом, возникает потребность в общем учении о государстве, объектом которого служит государство не только в качестве субъекта прав, но и во всей совокупности его признаков. Термин учения о государстве как перевод слова «политика» встречается уже в середине прошлого века⁵⁴. Но отличие его от общего государственного права начинает познаваться лишь к концу XVIII века⁵⁵. В первой половине XIX столетия учение о государстве рассматривается либо как самостоятельная дисциплина рядом с государственным правом и политикой, как естественное учение о государстве⁵⁶, либо как совокупность теоретических государственных наук в противоположность прикладным⁵⁷. Как самостоятельная государственно-научная дисциплина оно трактуется затем во второй половине столетия Робертом ф. Молем⁵⁸, а под его влиянием и другими авторами⁵⁹. Нигде мы не

⁵⁴ Об этой литературе ср. v. Mohl, I, стр. 265–334. – Многочисленные библиографические указания у v. Aretin, Staatsrecht der konstitutionellen Monarchie I, 1824, для позднейшего времени обширные библиографические указания дает Held, Staat und Gesellschaft III, 1865, стр. 91–100.

⁵⁵ Впервые разделяет науку о государстве на государствоведение (Stäatskunde) и учение о государстве (Staatslehre) Schlözer, Allgemeines Staatsrecht, 1793, стр. 9. – Под учением о государстве, которое он обозначает так же, как *cursus politicus philosophicus* или *scientia imperii*, в противоположность изучающей отдельное государство *notitia imperiorum*, он понимает: «человеческое учреждение, именуемое государством, в его цели и существе вообще». Оно распадается на метаполитику (в которой следует видеть предшественницу современного социального учения о государстве), государственное право, учение о государственном устройстве и политику в тесном смысле.

⁵⁶ На необходимость физиологии государств, которая выясняла бы реальный процесс их образования, указал впервые Schleiermacher, Die Lehre vom Staat, herausgeg. Von Chr. A. Brandis, стр. 1 слл. Затем Rotteck (ср. след. примеч.) излагает государственную физику как часть учения о государстве, Heinrich Leo, Studien und Skizzen zu einer Naturlehre des Staates I, 1833, дает очерк основных начал физиологии государств, и K. S. Zachariae, Vierzig Bücher vom Staate, 2 изд., 2 т., 1839 – предпосылает учению о государственном устройстве общее естественное учение политики. Идея естественного учения о государстве разрабатывается и в новейшее время приверженцами органической теории государства, напр. C. Frantz, Vorschule zu einer Physiologie der Staaten, 1857, и Naturlehre des Staates, 1870, а также социологами биологической школы, напр. Cnenцером и Шеффле.

⁵⁷ V. Rotteck, Lehrbuch des Vernunftrechts und der Staatswissenschaften II, 1830, отличает теоретическое учение о государстве или метаполитику от прикладного учения о государстве или политики в тесном или собственном смысле, причем первую делит на метафизику государства, государственную физику и общее государственное право.

⁵⁸ Сперва в цитир. соч. I, стр. 126, затем в Encyklopädie der Staatswissenschaften 2 изд., 1872, стр. 71–157. К учению о государстве примыкают в качестве догматических государственных наук публичное право, учение о государственной этике (Staats-Sittenlehre) и государственное искусство (политика).

⁵⁹ Bluntschli в Lehre vom modernen Staat (1875–76) излагает общее государственное право, отступая от первых четырех его изданий, в трех книгах: I. Общее учение о государстве. II. Общее государственное право. III. Политика. Особою дисциплиной при знают, далее, учение о государстве Rössler, System der Staatslehre, 1857; H. Bischof, Allgemeine Staatslehre, 1860; Escher, Handb. der practischen Politik, 1863 I, стр. 8; v. Holtendorff, назв. соч. стр. 4; G. Meyer, стр. 44. Другие, как H. Schulze, Einleitung in das deutsche Staatsrecht, neue Ausgabe 1867, и I. v. Held Grundzüge des allgemeinen Staatsrechts, 1868, вообще не отличают общее учение о государстве от общего государственного права, и третья группа, к которой принадлежат M. Seydel, Grundzüge der allgemeinen Staatslehre, 1873, Lingg Empirische Untersuchungen zur allgemeinen Staatslehre, 1890, и Bornhak, Allgemeine Staatslehre, 1896, употребляет этот термин для обозначения общего учения о государственном праве или по крайней мере не определяет отношение учения о государстве к государственному праву; I. Schwarz, Elemente der Politik. Versuch einer Staatslehre auf Grundlage der vergleichenden Staatswissenschaft und Kulturgeschichte, 1895, уже в самом заглавии своего сочинения смешивает все термины, чему соответствует и неясность содержания (ср., напр., на стр. 42 определение государства, занимающее 24 строки). Принадлежность государственного права к учению о государстве отмечает Gareis, Allgemeines Staatsrecht in Marquardsens Handb. des öffentlichen Rechts I, стр. 17 слл. Как более обширная дисциплина, заключающая в себе и общее государственное право, общее учение о государстве трактуется в новейшем труде Rehm'a, весьма солидном и основанном на

находим, однако, твердого, общепризнанного, объективного признака отличия учения о государстве от государственного права и политики, а соответственные труды полны поэтому неясностей и противоречий⁶⁰.

Полную ясность вносит в вопрос положенная в основу этого труда идея, что государство может быть рассматриваемо с двух научных точек зрения – социальной и юридической. Учения о физиологии или физике государства, о политической естественной науке основаны, как это будет показано ниже, на методологическом заблуждении. То, что в них есть ценного в научном отношении, входит также в область социального учения о государстве. Не существует также особого философского учения о государстве или государственном праве, метафизики государства. Все спекулятивное в соответственной области относится не к науке о государстве, а к философии, учение же об общих принципах науки о государстве образует часть либо социального, либо юридического учения о государстве. При всей неясности существующих воззрений, в новейшее время проложили себе, однако, путь следующие две основные истины. Во-первых, что общее государственное право не есть учение о действующем праве, а представляет, подобно неюридической части учения о государстве, теорию, содержащую не нормы, а научные положения. Оно занимает в науке такое же место, как общее учение о праве, которого мы требуем для каждой системы права как учения о юридических принципах, нашедших свое выражение в определенном праве⁶¹.

Затем, вторая истина заключается в необходимости самого строгого обособления теории от практики, до сих пор их разграничения, несмотря на все попытки, постоянно смешиваемых. Требование отрешенного от политики учения о государстве, которое, хотя и считаясь с политическими идеями и требованиями, обращается в своих результатах лишь к исторически развившемуся и существующему, а не к должному, является неизбежным последствием теории новейшей немецкой публицистической школы, ведущей свое начало с *W. E. Albrecht*'а⁶² и *C. F. v. Gerber*'а⁶³ и ставящей себе задачей исследование и выяснение государственного права исключительно в его правовом содержании. Эта школа восприняла много основных понятий в той форме, как они были выработаны теорией естественного права и политической литературой. Она приняла их результаты за юридические выводы, между тем как они в значительной мере являются лишь осадком определенных политических теорий. Таким образом, и наша новейшая наука государственного права вторгалась – по общему правилу бессознательно – в область политики, выводя определенные последствия из кажущихся правоположений, которые она считала юридическими, но которые в действительности имели только политический характер. Для создания объективной публицистической науки необходим теперь поэтому пересмотр основных понятий, которым она первоначально полагала возможным пренебречь.

Обозревая многочисленные попытки обработать учение о государстве, предпринимавшиеся в новейшее время, мы замечаем следующее.

Обширные исследования и подробные детальные изыскания мы находим у авторов, ex professo занимающихся наукой о государстве и юриспруденцией. В них отражается противоположность методов, господствующих в этих дисциплинах. В зависимости от характера полученного автором образования преобладает то спекулятивно-философский, то историко-политиче-

обширной эрудиции, но, впрочем, заключающем в себе также многочисленные экскурсии в область политики.

⁶⁰ Стоит сравнить, например, общее учение о государстве *Mohl*'я и *Bluntschli*. Первое обнимает и учение о законодательстве, которое во втором отнесено к общему государственному праву. Последнее, в свою очередь, обнимает все учение о формах государств и о государственной службе, которое *Mohl* относит к «философии государственного права».

⁶¹ Так, *G. Meyer*, стр. 1 слл., рассматривает общее учение о государственном праве, как совокупность основных понятий государственного права, *Hänel*, *Deutsches Staatsrecht I*, стр. 73 слл., как основные государственно-правовые отношения.

⁶² *Recension von Maurenbrechers Grundsätzen des heutigen deutschen Staatsrechts. Göttinger gelehrte Anzeigen 1837, III, стр. 1489–1504, 1508–1515.*

⁶³ *Grundzüge eines Systems des deutschen Staatsrechts*, 1 изд. 1865, 3 изд. 1880. – Программа нового направления в предисловии к первому изданию.

ский или юридический метод исследования. Систематические исследования всего материала принадлежат теперь по общему правилу юристам или, по крайней мере, получившим юридическое образование исследователям⁶⁴. Общее учение о государственном праве как учение об основных государственно-правовых понятиях, без сомнения, относится, прежде всего, к области юриспруденции, хотя многое приходится заимствовать для полноты исследования из других областей знания. В современных изложениях государственного права положительному материалу обычно предшествует очерк общего учения о государственном праве, и это следует признать вполне правильным, так как это общее учение относится к отдельным публично-правовым институтам так же, как общая часть гражданского или уголовного права к остальным отделам этих дисциплин. Как это и невозможно иначе, исследования общих государственно-правовых принципов или, по крайней мере, пользование ими как исходным моментом дедукции встречаются и в трудах, посвященных непосредственно детальным вопросам положительного государственного права.

Более или менее значительная часть материала, относящегося к учению о государстве, обрабатывается, однако, и представителями таких областей знания, которые находятся с ним в тесной связи или, по крайней мере, соприкасаются с этой областью. В частности, должны быть упомянуты:

1) *философские сочинения*. Каждая более или менее обширная философская система, естественно, должна развить и учение о государстве, которое, однако, теперь, с падением господства спекулятивной философии, обычно не отличается оригинальностью, а по большей части также и глубиной. Далее, на принципах учения о государстве, как и на всех основных вопросах социальной жизни, должна останавливаться и философия права. Но и в этой области новейшие труды по общему правилу больше заимствуют от науки о государстве, чем дают ей⁶⁵;

2) *труды о политике на исторической основе*. У историков государство нередко является объектом самостоятельного исследования. Даже выдающиеся попытки этого рода стоят еще на почве античного воззрения на всю государственную жизнь как на нечто представляющее неразрывное единство. Обособления юридического от неюридического, права от политики мы в них не находим. Они рисуют государство таким, каким оно должно осуществиться на основе его

⁶⁴ Кроме уже указанных трудов Held'a, Bluntschli, Gerber'a, H. Schulze, Seydel'я, Laband'a, G. Meyer'a, Gareis'a, Bornhak'a, здесь должны быть упомянуты из более обширных трудов немецких юристов за последние 40 лет: Zöpfel, Grundsätze des gemeinen deutschen Staatsrechts I, 5 изд. 1863, §§ 1–65; v. Kaltenborn, Einleitung in das constitutionelle Verfassungsrecht, 1863; H. A. Zachariae, Deutsches Staats und Bundesrecht I, 3 изд. 1865 §§ 1–28; L. Stein, Die Lehre von der vollziehenden Gewalt, 2 изд. I, 1869; Hänel Studien zum deutschen Staatsrecht I, II, 1873–83; Gneist, Der Rechtsstaat, 2 изд. 1879; O. Mejer, Einleitung in das deutsche Staatsrecht, 2 изд., 1884, стр. 1–29; Rosin, Das Recht der öffentlichen Genossenschaft, 1886; Iellinek, Gesetz und Verordnung, 1887, System der subjektiven öffentlichen Rechte, 1892; Gierke, Die Genossenschaftstheorie und die deutsche Rechtsprechung, 1887; Preuss, Gemeinde, Staat, Reich als Gebiet-skörperschaften, 1889; Ad. Merkel, Philosophische Einleitung in die Rechtswissenschaft, в Holtzendorffs Encyclopädie der Rechtswissenschaft 5 изд., стр. 1 слл. (перепечатано у Merkel'я, Gesammelte Abhandlungen aus dem Gebiete der allgemeinen Rechtslehre und des Strafrechts, 1899, стр. 577 слл.); A. Affolter, Grundzüge des allgemeinen Staatsrechts, 1892; Zorn, Das Staatsrecht des deutschen Reiches, 2 изд. I, II, 1895–97; Otto Mayer, Deutsches Verwaltungsrecht I, II, 1895–96; Bruno Schmidt, Der Staat (Iellinek-Meyer, Staats und völkerrechtliche Abhandlungen 1, 6), 1896; M. v. Seydel, Vorträge aus dem allgemeinen Staatsrecht, в Hirths Annalen des deutschen Reichs, 1898 и 1899. Из обширной новейшей немецкой литературы упомянем: Boutmy, Études de droit constitutionnel, 2 изд., Париж, 1895; Esmein, Elements de droit constitutionnel français et comparé, 2 изд., Париж, 1899; Woodrow Wilson, The state, Elements of historical and practical Politics, Бостон, 1892; Burgess, Political Science and Comparative Constitutional Law I, II, Бостон и Лондон, 1898; Αραβαντίνοϋ, Ελληνικὸν ὑποναγαμαίχον δ. χαίον, Афины 1897–98. Ср., далее, L. Rossi, Die neuere Literatur des Verfassungsrechtes beiden romanischen Völkern, в Kritische Vierteljahrschrift f. Gesetzgebung und Rechtswissenschaft (перев. Siedel'ем), 1895, стр. 523 слл. И 1897, стр. 1 слл.; сюда присоединяются еще многочисленные монографии и критические разборы, а также исследования в области общего учения о праве и труды, посвященные другим юридическим дисциплинам, важнейшие из которых будут указаны в соответствующих отделах этого труда.

⁶⁵ Ср. Stahl, наз. соч. II², Die Staatslehre und die Principien des Staatsrechts, 4 изд. II, 1870, стр. 264 слл. Ahrens, Naturrecht, 6 изд. II, 1870, стр. 264 слл.; Trendelenburg, Naturrecht auf dem Grunde der Ethik, 2 изд. 1868, стр. 325 слл., Lasson, System der Rechtsphilosophie, 1882, стр. 641 слл.; Höpfding, Ethik, перев. Bendixen' a 1888, стр. 396 слл.; Paulsen, System der Ethik, 4 изд. II, 1894, стр. 513 слл.; Wundt, наз. соч., стр. 645 слл. и System der Philosophie, 2 изд., 1897, стр. 611 слл.; Ludwig Stein, Die sociale Frage im Lichte der Philosophie, 1897, в особ. стр. 511 слл.

исторического развития и политической программы автора⁶⁶. Другие труды посвящены *естественному учению* о государстве или отдельных формах его и также, по общему правилу, представляют теоретические изыскания с практической тенденцией⁶⁷. Далее сюда относятся политические сочинения, исходящие от представителей науки о государстве. В них мы встречаем исследования, посвященные социальному учению о государстве и государственном праве⁶⁸;

3) *социологические теории*⁶⁹. Со времени *О. Конта*, который, развивая идеи *Сен-Симона*, стремился заменить спекулятивное изучение проблем социальной жизни человека социологией, выясняющей эмпирические законы взаимной связи явлений социальной жизни, место прежней философии истории заняли многочисленные попытки рассмотрения учения о государстве как части этой всеобъемлющей социальной науки. Вследствие незаконченности новой науки и отсутствия общепризнанного метода здесь открывается, однако, самый широкий простор субъективным построениям, и пока еще не достигнуто таких прочных результатов, которые можно было бы признать новыми, до тех пор неизвестными; как прежде в прямо признававшей себя метафизической философии истории, так теперь в окрашенной эмпиризмом спекуляции резко проявляется непримиримая противоположность принципиальных воззрений. Во всех трудах такого рода неизбежно выдвигается поэтому на первый план индивидуальность автора. Характер и степень полученного им образования, его мирозерцание, возвышенность или тривиальность воззрений, твердость или слабость воли оказывают такое влияние на результаты социологического исследования, что приходится прежде всего считаться не с тем, чему учат, а с личностью учителя⁷⁰.

Более значительные результаты дали примыкающие сюда историко-экономические и политико-экономические исследования, которые, однако, также рискуют впасть в односторонность, поскольку они рассматривают государство как продукт исключительно экономических сил.

Необозримо число трудов, которые, относясь к родственным областям знания, рассматривают или затрагивают те или иные вопросы учения о государстве. Связь учения о государстве со всеми другими государственными науками, как это видно и из изложенного в предыдущих главах, настолько естественна, что более подробное обоснование ее представляется излишним; отношение же его к другим дисциплинам мы рассмотрим особо.

⁶⁶ Наиболее выдающиеся: *Dahlmann*, Die Politik I, 2 изд. 1847; *G. Waitz*, Grundzüge der Politik, 1862; *H. V. Treitschke*, Politik, Vorlesungen, herausg. von Cornicelius, I, II, 1897–98.

⁶⁷ *C. Frantz*, (ср. выше, стр. 39 прим. 3. *Roscher*, Politik, Geschichtliche Naturlehre der Monarchie, Aristokratie und Demokratie, 1892.

⁶⁸ *Escher*, Handb. Der praktischen Politik I, II, 1863–64; *Fröbel*, Theorie der Politik I, II, 1864; v. *Holtzendorff*, Politik. Сюда относятся также политические труды французов и англичан, которые вообще рассматривают теоретическую и прикладную науку о государстве как науку единую. Ср., напр., *B. Laboulaye*, L'état et ses limites, 1863; *Buchez*, Traité de politique I, II, 1866; *de Parieu*, Principes de la science politique, 1875; *P. Leroy-Beaulieu*, L'état et ses fonctions, 1891; *Edw. Freeman*, Comparative Politics, 1873; *Sidgwick*, The Elements of Politics, 1891; *Seeley*, Introduction to political science, Лондон, 1896.

⁶⁹ Основные труды в этом направлении: *A. Comte*, Cours de philosophie positive, I–VI, 5 изд. 1893–94, Système de politique positive ou traité de sociologie instituant la religion de l'humanité, I–IV, 1851–54; *H. Spencer*, A. System of Synthesis Philosophie, VI–VIII, Principles of Sociology, в частности т. VII, изд. 2, 1885; далее *F. Fouillé*, La science sociale contemporaine, 2 изд., 1885; *Ratzenhofer*, Wesen und zweck der Politik als Teil der Sociologie und Grundlage der Staatswissenschaften, I–III, 1893; *G. de Greef*, Les lois sociologiques, 1893; *Schäffle*, Bau und Leben des sozialen Körpers, 2 изд., I–II, 1896; в частности II, стр. 427 сл.; *F. U. Giddings*, The principles of Sociology, an analysis of the phenomena of association and of social organisation, 1896. О всей очень обширной социологической литературе ср. вышеупомянутый труд *Barth'a*, далее для Франции, Италии, Англии *Ueberweg*, Grundriss der Geschichte der Philosophie, 8 изд. III, 1897, §§ 43, 52, 59. Новейшую литературу см. *Durkheim*, L'année sociologique с 1896 г. Из других относящихся сюда работ наиболее выдающиеся принадлежат *Simmel'ю*, ср., кроме указанных выше, *Ueber sociale Differenzierung*, 1890, Einleitung in die Moralwissenschaft, 2 т. 1892–93, Superiority and Subordination as subject matter of Sociology, American Journal of Sociology II, Чикаго 1896, стр. 167 сл. *Parerga zur Socialphilosophie*, Das Problem der Sociologie, Schmollers Jahrb. 1894, стр. 257 сл., 1301 сл.

⁷⁰ Неудивительно поэтому, что в эту модную теперь дисциплину пытаются проникнуть, рядом с серьезными исследователями, и настоячивые представители научного полусвета.

Но как ни разнообразны пути к разрешению проблем учения о государстве, следует, однако, в видах систематичности исследования, строго отличать то, что относится к самому учению о государстве, от относящегося к другим областям знания. Это мы постараемся выяснить в следующей главе.

Глава четвертая. Отношение учения о государстве к другим наукам

I. Универсальное и обособляющее исследование

Прежде чем перейти к подробному исследованию существа государства, следует выяснить, в видах необходимого ограничения задачи, насколько государство служит объектом государственных наук и в какой мере – предметом других дисциплин.

Государство есть множество людей, осевших на ограниченной части земной поверхности, живущих под господствующей властью и связанных этой властью в единое целое. Это предварительное описание государства служит исходным пунктом нашего дальнейшего изложения.

Своими элементами государство связано со всей совокупностью существующего. Оно имеет естественную и психически-социальную сторону. Все науки имеют поэтому повод заниматься государством. Оба основных подразделения человеческого знания – естествоведение и гуманитарные науки – причисляют государство к своим объектам.

Исследование каждого объекта может потребовать двоякого рода познания его – *универсального* и *обособляющего* объяснения существующего. Единичный объект связан со всей совокупностью мировых явлений, и совершенное объяснение его возможно лишь из этой мировой связи. Такое объяснение является, однако, и всегда будет идеалом, к достижению которого мы не можем даже приблизиться, так как бесконечность ряда причинностей, создающих единичное, как все бесконечное, не уменьшается для науки вследствие выяснения отдельных членов этого ряда. Во всех областях науки может поэтому дать точные результаты исключительно только уже охарактеризованное выше обособляющее исследование, которое принимает во внимание лишь определенные, заранее ограниченные стороны объекта исследования.

Но такое изолирующее изучение по необходимости односторонне, так как именно для достижения его целей оно должно пренебречь целым рядом явлений, представляемых его объектом. Но и эти явления должны, в свою очередь, составить предмет изолирующего исследования. Разделение труда и в области научной деятельности является важным принципом для увеличения продуктивности труда.

Но как в экономической области разделение труда необходимо влечет за собой соединение созданных таким образом продуктов труда, так и каждой науке необходимо восстановить отношение между отдельными, изолированными сторонами ее объекта. Не только потому, что каждая наука дает лишь частичное познание, которое является только моментом в познании целостном, но и потому, что знание результатов других дисциплин служит необходимым коррективом против односторонних и превратных выводов и в то же время предохраняет исследователя от заблуждения, – в которое так легко впасть, – считать свой метод исследования и свои выводы окончательными и единственно правильными.

В особенности же нуждается в таком восполнении всякая наука о социальной жизни человека. Естественные науки образуют восходящий ряд ступеней. Высшая ступень нуждается в низшей, но для последней первая не нужна. Можно изучать математику, не зная механики, механику – без химии, химию – без биологии, но не наоборот. Между тем все стороны человеческого общежития так связаны между собой, что ни одна наука, посвященная какой-либо одной из этих сторон, не может совершенно игнорировать выводы остальных наук. И так как индивидуально психическая жизнь человека, как и его физическая организация и внешняя обстановка его существования, являются необходимыми условиями всякой общественной

жизни, то все области знания имеют отношение к классу наук, объектом исследования которых служат наиболее сложные явления, – к социальным наукам в широком смысле.

Учение о государстве должно, таким образом, принимать во внимание выводы других наук и вместе с тем считаться с той связью, которая существует между ним и этими науками. При этом следует иметь в виду два основных условия.

Во-первых, самостоятельность государственных наук. Наука о государстве не есть ни естественная наука, ни психология, ни этика или экономика. Все попытки растворить науку о государстве в какой-либо другой науке вытекают из неясности мышления и должны поэтому быть энергично отвергнуты. Если государство имеет естественную, психическую, этическую, экономическую сторону, то из этого не следует, чтобы оно составляло предмет исключительно этих дисциплин. То, что в нем есть специфического, что отличает его от всех других явлений, – разнообразные отношения властвования не могут быть объяснены другими науками в их своеобразной, отличающей их от всех других общественных отношений, природе. Выяснить основание, условия, цель, действие этих отношений, познание которых, раскрывая своеобразную природу государства, должно вести к целостному представлению о государстве, – такова задача этого объединяющего познания. Выводы учения о государстве можно поэтому дополнять или подвергать критике с точки зрения других наук, но не изменять. Этнограф, психолог, социолог могут создать новые и плодотворные теории о происхождении и значении монархии, тем не менее понятие монархии может быть выяснено исключительно только путем изолирующего исследования этой формы государства и установления заключенной в ней правовой идеи.

Затем, следует иметь в виду как коррелят самостоятельности науки о государстве (как в широком смысле, включая сюда юриспруденцию, так и в тесном смысле) самостоятельность ее методов. Все методы определяются или модифицируются своеобразной природой их объектов. Думать, что можно метод одной дисциплины непосредственно применить к другой – значит грешить безрассудной путанностью мысли. Смешивая эмпирическое с естественно-научным, говорят о естественнонаучном познании социальных явлений. Ошибочность таких попыток уже доказана выше. Но столь же ошибочно говорить, например, о биологическом или социологическом методе в государственном праве. Стоит только попытаться «социологически» выяснить существо административной юстиции определенного государства. Мы придем, конечно, ко всякого рода суждениям о социальных условиях и последствиях этого учреждения, но техническая сторона его функционирования, которая именно и имеется в виду при государственно-правовом объяснении, может быть раскрыта только посредством юридического метода. Ошибочно также поэтому, с другой стороны, говорить о юридическом методе всей науки о государстве, так как при помощи этого метода можно объяснить только одну изолированную сторону государства, но не государство как целое. Юрист со своим методом может познать в государстве лишь то, что имеет юридическую природу.

Ниже мы укажем в общих чертах важнейшие отношения, связующие государственные науки с другими областями знания, и то значение, которое результаты последних имеют для всестороннего познания государства. Мы исходим при этом из традиционного основного разделения наук на естественные и гуманитарные, несостоятельность которого, впрочем, ясно обнаруживается именно с установленной нами точки зрения, так как все государственное есть в то же время и «гуманитарное», и мы встречаем поэтому науки, являющиеся в одно и то же время естественными и гуманитарными.

II. Отношение учения о государстве к естественным наукам

Государство, как все человеческое, имеет естественное основание. Два существенных его элемента принадлежат внешней природе – его территория и количество и физические свойства его населения.

1) Для государства существенна территория, т. е. находящаяся под его исключительной властью пространственно определенная область, именно ограниченная часть континента, к которой в морских государствах присоединяется узкая полоса берегового моря вместе с другими незначительными его частями. Территория как элемент государства имеет решающее влияние на весь жизненный процесс государства. Определить естественные условия и влияние территории составляет задачу не учения о государстве и политики, а *физической и политической географии*⁷¹, которые находятся поэтому в тесной связи с государственными науками.

Территория, если рассматривать ее с физической стороны, обнимает все естественные условия государства, за исключением физических свойств его обитателей. Сюда относятся, таким образом, плодородие и другие свойства почвы, богатство естественными продуктами, размеры, строение и характер границ территории, континентальное или морское положение, наличие водных путей, географическая широта, климат и т. д. Все эти свойства влияют на организацию государства и содержание и границы его деятельности либо непосредственно, либо через посредство воздействия их на людей. То, что, например, величина территории служит одним из факторов, влияющих на организацию государства, едва ли нуждается еще в подробных доказательствах. Государство-город и государство с обширной областью – два основных типа политической организации. Для античного и средневекового государства-города, для незначительных кантонов Швейцарии подходящей формой правления является республиканская, для государства более значительных размеров – монархическая, и лишь в новейшее время появляются крупные демократические республики. На централизацию или децентрализацию управления оказывают влияние, в числе других факторов, размеры государственной территории, далее – характер связи между ее частями, их разобщенность и замкнутость вследствие горных цепей, островное положение государства. Так, организация государственных должностей совершенно иная в государствах крупных и мелких; децентрализация управления и особые права коммунальных союзов имеют у горных народов естественную почву до тех пор, пока современное развитие способов сообщения не облегчает сношений отдельных долин между собою и с центром. Учреждения государств с территориальными границами существенно отличаются от таких же учреждений в островных государствах. Некоторые английские учреждения могут быть поняты в их своеобразной форме лишь как составные части права островного государства. Если бы Великобритания не оставалась в течение столетий защищенной от иностранных вторжений, то ее армия, а с нею и все положение правительства имели бы другой характер. Естественные условия народного хозяйства в пределах государства надолго определяют высоту культурного уровня, достижимую для данного народа, и вместе с тем его культурную продуктивность, эти же условия являются одним из постоянных факторов, несомненно, определяющих всю внутреннюю и внешнюю политику государства.

Такого рода факты были известны и использованы выдающимися теоретиками государства всех времен. У Платона и Аристотеля, как и у Макиавелли, Бодена, Монтескье и Юма, мы находим подробные исследования о влиянии внешней природы на формы и судьбы государств. Истекшее XIX столетие уделяет в связи со столь выдающимися успехами естествознания особое внимание естественному элементу в государстве. Так, *Т. Бокль* детально исследовал – и переоценил – влияние природы на образование и жизнь государств в популярной и потому получившей широкое распространение форме. Затем географы и антропологи⁷², идя по следам *Карла Риттера*, пытались положить основу особой дисциплине, предметом которой является исследование влияния земной поверхности на судьбы человечества. И если до сих пор общие результаты таких исследований, поскольку они не представляют собой произвольных обобще-

⁷¹ Последняя устанавливает не только внешние, но и социально-психологические факты, и может служить поэтому, подобно народоведению, примером недопустимости точного разграничения наук естественных и гуманитарных.

⁷² Ср. *Ratzel. Anthropogeographie I, II, 1882–91*; критические замечания об относящейся сюда литературе *ibid I, стр. 18 слл.* и у *Achelis, Moderne Völkerkunde, 1896, стр. 70, слл.; Ratzel, Politische Geographie, 1897.*

ний, были весьма незначительны или тривиальны, то новейшие попытки, способствовавшие выдающимся образом раскрытию конкретных причинностей, также, однако, лишь в немногих случаях дошли до общих положений, заключающих в себе значительное расширение наших знаний⁷³. Ибо те моменты, которые индивидуализируют судьбы государств, всегда лишь частью – и притом в менее значительной части – заключаются в географических условиях, и потому общие и индивидуальные судьбы государств никогда не могут быть объяснены с должной полнотой с географической точки зрения. Прежде всего второе естественное условие государства, физические свойства его населения – при всей значительности влияния, которое может оказывать на людей территория, – не могут быть вполне поняты из внешних условий территории государства. Отсюда и тот великий исторический факт, что одна и та же территория служила физической основой самым разнообразным государствам и народам. Стоит вспомнить только пеструю смену государственных образований в Италии.

С другой стороны, территория не только оказывает влияние, но и подвергается воздействию. Человек не только обуславливается отечественной территорией, но и преобразует ее. Достаточно сравнительно коротких промежутков времени, чтобы заметно изменить значительные пространства земли. Голландцы отвоевали у моря часть своей территории. Территория Соединенных Штатов претерпела со времени первых поселений пуритан более значительные изменения, чем те, которые могли бы быть вызваны силами природы в течение многих тысячелетий. Современная техника приблизила друг к другу отдаленные части государства, она победила расстояние – как в пространстве, так и во времени – в такой мере, какую трудно было и предвидеть. Она прорезала горы, высушила озера и части моря, создала водные бассейны, изменила течение рек. Акклиматизация чуждых растений и животных, совершаемая под воздействием человека, изменила внешний вид и естественные хозяйственные условия целых областей⁷⁴. Густонаселенные местности, прежде всего города, коренным образом изменяют территорию. Даже климат нередко меняется вследствие истребления лесов.

Территория является мертвым и в то же время бессмертным элементом государства. Она переживает – если только не поглощается морем – всякое государство, образующееся на ней, с тем, чтобы тотчас же послужить основой другого государства. Население может, правда, войти в состав другого государства вследствие завоевания, инкорпорации и других причин, и обитатели территории, таким образом, остаются на ней и после падения государства, но история нередко видела и совершенное изгнание или истребление прежнего населения и замену его завоевателями. Народ может постепенно стать другим вследствие и переселений, и смешения с завоевателями. В отношении территории такие коренные преобразования на глазах истории не имеют места, несмотря на все изменения ее под влиянием природы и культуры.

2. Второй естественной основой государства являются физические свойства его обитателей, – как общие всем людям, так и свойственные определенным обособленным друг от друга по своим постоянным физическим признакам подразделениям человечества, расам и племенам. Эта сторона человеческой природы является объектом особых наук, *физической антропологии* и *этнологии*. Жизнь и судьбы государства в значительнейшей мере определяются естественными особенностями его населения. Существуют племена, которые вообще в состоянии создать лишь рудиментарное государство, или не могут надолго сохранить государство уже сложившееся. Тот факт, что такие племена либо остаются некультурными, либо живут под диктующимся юридическим господством других народов, доказывает, что склонность к жизни в государстве – конечно, не в форме мистически-органического государственного инстинкта – явля-

⁷³ Общую схему, под которую могут быть подведены воздействия природы на человека см. у *Ratzel* я, *Anthropogeographie* I, стр. 59 слл., 2 изд. 1899, стр. 41 слл.

⁷⁴ Ср. v. *Treitsche*, *Politik* I, стр. 207 слл.; *Hehn*, *Kulturpflanzen und Haustiere*, 6 изд. 1894, стр. 1 слл.

ется одним из естественных свойств народа или, где она первоначально отсутствует, должна быть приобретена тысячелетним навыком и приспособлением.

Но и своеобразное развитие, переживаемое всяким государством, во многих важных пунктах сводится к расовым и племенным особенностям. Свобода или несвобода граждан, сила или слабость государственной власти, способность государства к расширению путем завоевания и колонизации коренятся, в числе других факторов, в характере народа, имеющем значение фактора первоначального. Глубокие различия между германскими, романскими, славянскими, восточными государствами не могут быть объяснены исключительно из различия социальных отношений, ибо в них, наоборот, нередко наблюдаются значительные сходства. Не считаясь с этническими различиями, мы не можем, таким образом, достигнуть полного понимания разнообразия в мире государств⁷⁵. Эти важные для государства физические различия всегда обусловлены, однако, психическими факторами. Они все имеют поэтому духовную сторону, исследование которой не входит в область естествознания. Таким образом, рассмотрение соматических, антропологических и этнологических отношений естественным образом приводит нас к рассмотрению нижеследующих вопросов.

III. Отношение учения о государстве к прочим гуманитарным наукам

1. Отношение учения о государстве к психологии и антропологии

Государственные события являются все человеческими действиями и последствиями действий человека. Всякое же действие есть психическая деятельность. *Психология*, учение о психических состояниях и актах, является поэтому необходимым предположением всех гуманитарных наук, в том числе учения о государстве. Значение психологического исследования для познания государства проявляется, в частности, в двух направлениях. Во-первых, оно приводит нас к тому важному заключению, что государство, хотя и необходимо проявляется в физическом мире, в существе есть явление психическое. Во-вторых, оно способствует уразумению государственных, в частности, государственно-правовых основных факторов. Так, прежде всего, существо отношения властвования, природа власти, может быть ясно установлена лишь путем психологического анализа.

Как уже упомянуто, соматические различия между человеческими расами и племенами проявляются также в различиях духовных и моральных склонностей. Выяснить последние в их связи с физическими различиями является задачей *психологической* и *социальной антропологии* и *этнографии*, как и некоторых других еще не установившихся дисциплин, каковы *народная психология* и *этология*. Совокупность этих дисциплин имеет общий корень с другой ветвью наук, занимающихся человеком как представителем вида, – науками социальными. От последних они отличаются, однако, тем, что изучают преимущественно влияние естественных отношений на психические образования, между тем как социальные науки рассматривают свои объекты преимущественно как продукты сил общественных, стало быть, духовно-нравственных, не принадлежащих к внешней природе. Точное разграничение не везде возможно, и поэтому мы находим в антропологических трудах подробные исследования по истории права, государства, религии и экономических отношений.

Значительную ценность антропологические и этнографические изыскания имеют как вообще для первобытной культуры, так и, в частности, для истории возникновения и разви-

---

⁷⁵ Об относящихся сюда новейших исследованиях см., напр., у *Letourneau*, *La sociologie d'après l'éthnographie*, 1880, I. IV, ch. VI–VIII, *Peschel*, *Völkerkunde*, 3 изд. 1880, стр. 247 слл.; *Achelis*, стр. 420 слл.

тия примитивных государственных образований. Если в настоящее время в этой области, – как только мы выходим за пределы чисто фактических явлений и вступаем в область гипотез и конструкции, – открывается широкий простор субъективным построениям, а прочно установленные результаты весьма незначительны, то должны быть отмечены, однако, многообещающие зародыши, могущие дать впоследствии обильную жатву. Детальное изучение рудиментарной государственной жизни охотничьих и пастушеских племен, как и народов, стоящих на низшей ступени культурного развития, должно быть выделено из учения о государстве и предоставлено народоведению. Для учения о государстве в этой области имеют значение лишь окончательные результаты.

2. Отношение учения о государстве к социальным наукам

А. Проблема

Гораздо более важными для законченного познания государства являются отношения, в которых государственные явления находятся к *социальным наукам*. Государство теснейшим образом связано со всеми социальными феноменами.

Прежде всего укажем, что государство есть человеческое и только человеческое учреждение, что всякое перенесение понятия государства на живущих обществами животных основано на смешении необходимых последствий физической организации и инстинктообразно проявляющихся психических сил с действиями сил этических. Кроме того, и новейшие естественнонаучные наблюдения показали, что издавна употреблявшиеся для государственно-научных аналогий мнимые государства животных – муравьев и пчел – по природе своей, в противоположность политическим явлениям, остающиеся неизменными, в действительности представляются анархиями, в которых отсутствует какая бы то ни было руководящая воля. Можно поэтому – и в отношении высших животных – говорить только об обществах животных: ниже человека на зоологической лестнице существуют только социальные отношения, но не государство⁷⁶.

В силу своего человеческого элемента государство есть *социально-массовое явление* и предполагает поэтому совокупность людей, в которой представлены все естественные различия между людьми. Оно построено и на естественном различии между мужчиной и женщиной, между взрослыми и детьми, так как оно есть постоянное, не ограниченное одним поколением учреждение. Колония ссыльных мужчин, предоставленная самой себе на необитаемом острове, может быть признана в лучшем случае обществом, но не государством. Количество необходимых для государства людей может быть, однако, бесконечно разнообразным – от нескольких тысяч и даже сотен до многих миллионов. Со времени Аристотеля учение о государстве нередко выставляло то несомненное для более развитого государства высших ступеней культуры положение, что государство должно выходить за пределы семьи, причем предполагалось, что последняя во времени предшествует государству⁷⁷. Новейшие гипотезы в области перво-

---

⁷⁶ Ср. Wundt, Vorlesungen über Menschen-und Tierseele, 2 изд., стр. 450 слл.; Espinas, Des sociétés animales, 2 изд. 1878, стр. 527 слл.; H. E. Ziegler, Die Naturwissenschaft und die social-demokratische Theorie, 1893, стр. 182 слл.; Bethe, Dürfen wir den Ameisen und Bienen psychische Qualitäten zuschreiben? Flügers Archiv f. die gesammte Physiologie, 70 т., 1898, стр. 15 слл. Contra Bethe Wassmann, Die psychischen Fähigkeiten der Ameisen, 1899.

⁷⁷ Не всегда, впрочем. Еще L. v. Haller придерживается теологически-спекулятивного учения об Адаме как первом суверене. Dahlmann, стр. 3, утверждает: первобытная семья есть первобытное государство; всякая семья, рассматриваемая как независимое целое, есть государство. Ср. у Br, Schmidt'a, стр. 57. При динамической природегосударства можно усматривать таковое в семье у современных первобытных народов. Так, Ratzel, Politische Geographie, стр. 71 № 12, говорит о семьях как политических единствах у меланезийцев и микронезийцев. На этом Rehm, Staatslehre, стр. 38, основывает существование государств-семей. Отождествление культурных государств с этими примитивными союзами следует, однако, признать одним из случаев слишком далеко идущей индукции (ср. выше). В частности, такое отдаленное сравнение не имеет значения для пра-

бытной истории признают орду первоначальным человеческим союзом. Обе теории сходятся, однако, в том, что государство не может быть ограничено одним поколением.

Не только естественные свойства народа, но и количество, и состав населения определяют весь жизненный процесс государства. Редкое или густое, недостаточное или избыточное население, распределение его по возрасту и полу, продолжительность жизни, смертность – все это факты, оказывающие влияние на судьбы государств. Эти факты, хотя биологического характера, но преимущественно являются результатом всей культуры народа. Посвященная им наука, *учение о народонаселении*, хотя и опирается на биологию и антропологию, тем не менее, относится поэтому к социальным наукам⁷⁸. Подобно *социальной статистике* вообще она служит вспомогательной наукой для всех социальных наук, а потому и для учения о государстве.

Так как государство есть социальное явление, то для полного познания его необходимо выяснить место, занимаемое государством в обществе и в отношении к обществу. Прежде всего должна быть, однако, выяснена природа общества⁷⁹.

Б. Понятие общества

Как все понятия, которые занимают определенное место не только в науке, но и в повседневной жизни, понятие общества имеет разнообразные значения. Начиная с преходящего случайного союза нескольких лиц вплоть до государства и даже за его пределы – к общению всего человечества, применяется слово «общество». Государство и общество столь же часто отождествлялись, как и противопоставлялись друг другу. До новейшего времени, впрочем, термин «общество» употреблялся для обозначения более широкого понятия, обнимавшего понятие государства как более узкое. Исторически это объясняется тем, что *Аристотель* квалифицировал государство, как вид *κοινωνία*, а у *Цицерона* понятие «*societas*» обнимает все виды организованного человеческого общения.

Впоследствии понятием общества воспользовалось естественное право. Под влиянием *Аристотеля* оно отождествляет государство с *societas civilis*, рядом с которой, как другой вид того же рода, признается только *societas domestica*. Но и в естественном праве замечается некоторое различие государства и гражданского общества, несмотря на отождествление обоих.

В частности, со времени *Гоббса* теория естественного права конструирует государство как лицо, в котором общество находит свое завершение. Но само общество существует уже до государства. Со времени *Пуффендорфа* естественное право обычно кладет в основу государства ряд договоров, так что государство возникает не сразу, а является лишь продуктом совокупности договоров. В этом ряду договоров первое место занимает договор соединения, результатом которого уже является общество, хотя и лишенное еще организации и руководящей власти. Во второй половине XVIII столетия идея предшествующего государству общества разрабатывается более детально. Шотландец *Фергюсон* (Ferguson) является первым представителем теории, по которой государство присоединяется к существующим уже ранее видам человеческого общения⁸⁰. Затем *Шлецер*, точно и ясно формулируя логические последствия

новой концепции государства. Сам *Rehm* едва ли будет квалифицировать меланезийскую семью как субъекта международного права, а это он считает существенным признаком государства.

⁷⁸ Ср. *Gr. Rümelin*, в *Schönbergs Handb der politischen Oekonomie*, 2 изд., II, стр. 884.

⁷⁹ Более обширные исследования о всей совокупности представлений, объединяемых под словом «общество», у *Ihering'a*, *Der Zweck im Recht*, 2 изд. I, стр. 86 слл., 309 слл.; *G. Rümelin*, *Ueber den Begriff der Gesellschaft und einer Gesellschaftslehre*, *Reden und Aufsätze*, III, 1894, стр. 248 см., *Tönnies*, *Gemeinschaft und Gesellschaft*, 1887, стр. 4 слл.; *Wundt Logik II*² стр. 589 слл.; *Stammler*, н. с. стр. 83 сл.; *Simmel Schmollers Jahrbuch XX*, 1896, стр. 575 слл.; *Kistiakowsky*, *Gesellschaft und Einzelwesen*, 1899, стр. 81 слл.

⁸⁰ *An Essay on the history of civil society 1766* (нем. перев. Лейпциг 1768), part. I, sect. I–IV, part. III, sect. I–III. Этот труд, высоко ценимый в Германии, см. *Twisten*, *Preussische Jahrbücher IV*, 1859, стр. 305; *Waentig August*, *Comte und seine Bedeutung für die Entwicklung der Socialwissenschaft*, 1894, стр. 27 слл., в Англии ценится весьма мало; ср. *Leslie Stephen*, *English thought in the eigtheenth century 2 изд. 1881, I, стр. 214, 215.*

учения естественного права, первым из немецких писателей пытается разграничить понятия государства и общества. Гражданское общество, для которого он в одном месте предлагает термин «община» (Gemeinde), он определяет как предшествующий государству союз, не обладающий общей властью. Для многих племен такой союз является высшей формой общественной жизни, и союз тринадцати кантонов Швейцарии служит примером *societas sine imperio* в пределах цивилизованной Европы. Общество есть, таким образом, по Шлецеру, более значительный анархический человеческий союз. Но в этом союзе уже возникают правовые нормы, соблюдение которых зависит, впрочем, «от добросовестности каждого отдельного лица», так как в обществе еще не существует судей и наказания; на основе собственности и экономических профессий возникают затем социальные классы, дворянство возвышается над другими сословиями, развиваются понятия чести и отечества.

Государство с его *imperium* присоединяется поэтому лишь впоследствии к уже весьма дифференцированному обществу, чтобы защищать его и руководить им⁸¹. Государство, таким образом, возвышается не над безразличной массой отдельных индивидов, а находит уже состоящий из самых разнообразных экономических и духовных элементов народ.

Другим путем и более успешно, чем у Шлецера, не нашедшего сначала приверженцев, самостоятельное понятие общества развилось во Франции. И здесь корни его следует искать в естественном праве. Руссо первый противопоставляет государство и общество, хотя и не устанавливает между ними точной терминологической границы. В этом последнем обстоятельстве следует видеть главную причину того, что даже наиболее глубокие знатоки истории учения о государстве совершенно упускают из виду истинное значение относящихся к рассматриваемому вопросу идей Руссо. Р. Ф. Моль утверждает о Руссо, что понятие общества оставалось ему совершенно чуждым⁸². Моль не подозревал при этом, что собственное свое понятие общества в существенных чертах он может найти уже у Руссо.

В часто цитируемом и очень мало читаемом “Discours sur l'économie politique”, написанном Руссо для «Энциклопедии», мы находим следующее⁸³.

Государственное общество составлено из других мелких разно-родных обществ, каждое из которых имеет свои интересы и правила поведения. Но не одни только эти, общепризнанные и несомненные для всякого, общества существуют в государстве: все отдельные индивиды, связанные друг с другом общим интересом, образуют многочисленные другие общества, постоянные или временные, власть которых не делается менее реальной от того, что их менее замечают, и разнообразные, точно изученные отношения, которые дают истинное познание нравов. Все эти формальные или неформальные сообщества своим влиянием самым разнообразным образом модифицируют проявления общественной воли. Частные общественные интересы стремятся проявить себя за счет общего интереса, и общей воли всегда грозит поэтому опасность быть обманутой вследствие того, что на первый план выдвигаются интересы обществ.

Эти рассуждения положены в основу знаменитого места *contrat social*, которое лишь в связи с ними делается вполне понятным. Руссо противопоставляет там *volonté générale* и *volonté de tous*. Первая есть воля государства, вторая – воля общества, расчлененного противоречащими друг другу интересами. «Частичные общества» также имеют общую волю, отличную от воли отдельных членов, но в отношении к воле государства она является частной волей. О таком государстве можно сказать, что в нем подают голоса не отдельные люди, а общественные группы. Идеальным государством является поэтому то, в котором между индивидом и государством не становится ни один партикулярный общественный интерес⁸⁴.

⁸¹ Н. с. стр. 63 сл.

⁸² Geschichte der Lit. der StW, I стр. 77.

⁸³ Rousseau, Oeuvres complètes, Paris 1865, III, стр. 281, 282.

⁸⁴ L. II, ch. III: Si la volonté générale peut errer.

Рассуждения Руссо послужили для Гегеля исходным моментом его основной конструкции гражданского общества⁸⁵. Ибо последнее он определяет как промежуточное между семьей и государством образование, в котором каждый служит самоцелью, но эта цель не может быть достигнута без отношения к другим. Особая цель приобретает вследствие отношения к целям других форму общности и удовлетворяется, поскольку она служит в то же время благу других. Как ни произвольны более детальные рассуждения Гегеля, они имели, однако, благодаря точному диалектическому противопоставлению государства и общества, решающее влияние на конструкции общества в немецкой литературе науки о государстве⁸⁶. Но наиболее существенные элементы для своих конструкций она заимствовала непосредственно у французских социалистов.

В эпоху коренных переворотов и развивающихся из них новых брожений понятие общества приобретает высокое практическое значение. Как в повременной печати, так и в научной литературе говорят о *société* как отличном от государства образовании, причем первоначально не делается попыток дать ему теоретическое определение. Впервые *Сен-Симон* энергично указывает на противоположность государственной организации и общественных отношений и заявляет, что общество составляют экономические классы, развитие которых направлено на то, чтобы сделать господствующим в государстве важнейший из них – промышленный⁸⁷. *Прудон*, несмотря на все его разногласия с социализмом, находящийся, однако, под влиянием социалистического учения об обществе, еще резче противопоставляет *société* государству как осуществляемому принудительным путем *gouvernement*⁸⁸. Так как в первых своих сочинениях он объявляет государство подлежащим упразднению и замене анархическим, основанным на свободных договорах обществом, он, естественно, должен исходить из той точки зрения, что государство и общество резко противоположны друг другу. Но с наибольшей силой исходящее из Франции социалистическое понятие общества было развито и положено в основу своеобразной исторической конструкции *К. Марксом* и *Фр. Энгельсом*. По этой историко-философской теории – материалистическому двойнику гегелевской философии истории – вся история по внутреннему существу своему есть не что иное, как необходимое, независимое от сознательной воли индивидов последствие экономических отношений. Эти отношения ведут к образованию общественных классов, распадающихся на эксплуатирующие и эксплуатируемые. Все общественные явления, вплоть до наиболее идеалистических, обусловлены экономическими отношениями производства, представляя собой надстройку над данной экономической структурой общества. Государство есть не что иное, как организация классов, являющихся в данный момент эксплуатирующими, с целью сохранения внешних условий производства, – и внутренне необходимой целью истории служит завоевание государственной власти пролетариями. В этой эпохе будущего государство будет руководить всем производством в соответствии с общим интересом. Целью развития явилось бы, таким образом, полное единство государства и общества. Конечная цель истории заключается по этой материалистической философии истории в том, что в теории естественного права служило исходным моментом ее дедукций. В этом социалистическое учение об обществе резко расходится с учением анархистов. У анархистов поглощение государства обществом, у социалистов – поглощение общества государством⁸⁹.

⁸⁵ Grundlinien der Philosophie des Rechts, Werke, VIII, 2 изд. стр. 240 сл., ср. также полемику с Руссо стр. 306 сл.

⁸⁶ В частности, через посредство *L. v. Stein'a*, всецело следовавшего за Гегелем, хотя содержание своего учения об обществе он воспринял от французских социалистов. Влиянию основной идеи гегелевского учения об обществе не совсем остался чужд и *К. Маркс*.

⁸⁷ Ср., в частн., *Saint-Simon*, Catéchisme des industriels, 1822–23.

⁸⁸ Об учении Прудона о государстве и обществе ср. *Diehl*, Proudhon, II, 1890, стр. 107 сл. (Conrad, Samml. nationalök. u. statist. Abh. VI 3); *Michel*, н. с. стр. 395 сл.; *Zenker*, Der Anarchismus, 1895, стр. 22 сл.

⁸⁹ Учение Маркса популярно изложено и дополнено *Энгельсом* в его *Der Ursprung der Familie, des Privateigentums und des Eigentums*, 1884, а также в упомянутом уже сочинении *Herrn Dührings Umwälzung der Wissenschaft*. Ср., из многочисленных сочинений об учении Маркса – Энгельса о государстве и обществе, в частн., *Masarik*, Die philosophischen und sociologischen

Лоренц ф. Штейн, прошедший, подобно немецким вождям социализма, школу Гегелевой диалектики, строит свое понятие общества, взяв исходным пунктом социальное движение во Франции⁹⁰. По Штейну, общество состоит, как и у социалистов, из классов, резко отличающихся друг от друга по своему экономическому положению, и история государства есть не что иное, как непрерывающийся процесс борьбы классов за государственное господство. Но, таким образом, государство признается фактором, необходимым, стоящим над обществом, господствующим над ним и примиряющим разделяющие общество противоречия интересов.

Под влиянием французского социализма, но, тем не менее, самостоятельно развили понятие общества ученик *Краузе – Аренс*⁹¹ и затем *Р. Ф. Моль*. Широкое распространение нашла теория последнего, рассматривающая общество как стоящее между индивидом, семьей и племенем – с одной, и государством, с другой стороны, самостоятельное образование, как жизненную среду, создаваемую важными и длящимися интересами людей, объединяющими желания и действия всех участников одной общей целью и таким образом вырабатывающими одинаковые нравы и воззрения, общие учреждения и, наконец, более или менее развитые и одаренные сознанием организмы. Это множество возникающих таким образом жизненных образований нуждается в государстве как ограничивающей, примиряющей и объединяющей всех их организации⁹².

Независимо от направленных на выяснение понятия общества попыток социалистов и немецкой науки о государстве, учение о существе общества предлагается созданной *О. Контом* во Франции и оригинально разработанной *Г. Спенсером* в Англии социологией, находящей теперь повсюду многочисленных приверженцев. Социологическое понятие общества обнимает все без исключения виды человеческого общения. Социология есть поэтому наука о всей общественной жизни человека. Установить законы существования и развития религии, нравов, права и морали, народного хозяйства и государства – такова задача этой всеобъемлющей дисциплины, в которой сливаются все прочие науки, так как ее необходимым предположением являются все другие изучающие индивида и природу дисциплины. В этом социологическом учении общество и государство не противопоставляются, как в упомянутых выше теориях, но государство само является одним из видов общества.

Природа общества далеко не с полною ясностью и притом весьма разноречиво определяется разными теориями, но все теории сходятся в одном важном пункте, именно в том, что существуют самостоятельные образования между индивидом и государством. Этот результат представляется чрезвычайно важным не только для полного познания человека, но и для учения о государстве. Новейшее учение о государстве вплоть до нашего столетия исходило из того воззрения, что государство возникает путем объединения отдельных индивидов, мыслимых принципиально равными, а в качестве промежуточных образований в лучшем случае признавали, под влиянием античных теорий, семью и общину. Но вывести государственные отношения подчиненности из союза изолированных индивидов или семейного и общинного союза возможно только путем метафизической спекуляции или юридических фикций. Учение об обществе, напротив, углубило античное воззрение на человека как на *ξῶον πολιτικόν καὶ κοινωνικόν*, доказав, что индивид уже с самого начала принадлежит ко множеству созданных извне, независимых от его индивидуальной воли отношений общественного характера. Эти частью остающиеся неорганизованными отношения основаны на отвергнувшемся естественным правом или не обратившем на себя его внимания разнообразии, т. е. неравенстве индивидов, которое представляется поэтому не чем-либо искусственно созданным, а дан-

Grundlagen des Marxismus, 1899, стр. 387.

⁹⁰ Geschichte der socialen Bewegung in Frankreich, 1850, I, стр. XXIX сл., System der Staatswissenschaft, II, Die Gesellschaftslehre, I, 1856, стр. 22 сл.

⁹¹ Н. с. II, стр. 253 сл.

⁹² Geschichte und Literatur der StW., I, стр. 88 сл., Encyklopädie der StW, стр. 27 сл.

ным самой природой. Общественные отношения преобразуются, таким образом, в отношения зависимости, которые существуют и там, где за ними не стоит принудительная власть государства. Государственные отношения господства подготовлены социальными отношениями зависимости, которые имеют место во всякой социальной группе, а не только, например, в отношениях экономических классов. Такие отношения зависимости растут естественно, т. е. совершенно помимо воли данных членов общества, и поэтому продолжают существовать и в государстве, независимо от государственного господства. Нет такого общественного союза, научной школы, направления в искусстве и т. д., в котором не было бы руководящих и зависимых. Формально-юридическая возможность уклониться от такого руководства не исключает самого факта и неизбежности таких отношений зависимости. Кто не обладает достаточными духовными силами, чтобы эмансипировать себя, по необходимости остается зависимым, поскольку он вообще хочет сохранить и развить соответственную сторону своей индивидуальности. Если бы было возможно выделить государство из ряда социальных образований, то этим отнюдь не были бы уничтожены социальные отношения зависимости.

Учение об обществе имеет величайшую важность не только для изучения основных государственных отношений, но и для познания всех типических и индивидуальных государственных явлений. Нам остается теперь положительно установить понятие общества, а затем мы укажем в общих чертах отношение учения о государстве к учению об обществе⁹³.

1. Общество в самом широком смысле означает совокупность проявляющихся во внешнем мире психологических связей между людьми. Оно есть, таким образом, собирательное понятие, объединяющее совокупность всех общественных отношений между людьми в одно логическое единство. В этом смысле оно тождественно с понятием человеческого общения, которое состоит из множества отдельных, длящихся или временных отношений между индивидами. Но это понятие настолько широко, что не может без дальнейшего ограничения послужить предметом плодотворного научного изучения. Познание общества в этом смысле было бы равносильно совершенному познанию существа и судеб нашего рода, что представляется задачей не более легкой, чем решение загадки сфинкса. Причина того, что исследования, называющие себя социологическими, так часто лишены всякой внутренней определенности и так легко расплываются в неизмеримо широких пересpektивах, в значительной мере заключается в том, что они исходят из этого всеобъемлющего понятия общества, которое лишает науку всяких границ и с тем вместе возможности всякого плодотворного, методического, направленного на достижимые цели движения вперед. Фактически материал, который современная социология кладет в основу своих положений, по общему правилу представляет заманчивую лишь для дилетантов опору, за которой обычно скрываются априорные конструкции, основанные на несовершенных индукциях.

Это широкое понятие общества имеет, однако, большое значение для учения о государстве, как корректив к ложным и односторонним теориям. Как все человеческое государство может быть основательно понято только из проявляющейся в общении природы человека во всей ее полноте. Необозримый и потому никогда не могущий быть изученным полностью ряд социальных фактов и причин создает конкретную жизнь отдельного государства и вместе с тем государство вообще. Уже в силу одного этого мы должны отвергнуть все те учения, которые из ряда неисчислимых социальных причин выбирают одну или несколько, чтобы выставить их единственными движущими силами развития государства.

⁹³ Критическое рассмотрение всех указанных теорий общества завело бы нас здесь слишком далеко. Неудовлетворительность новейшей попытки *Stammler*'а стр 83 слл, фиксировать понятие общества, доказана уже *Simmel*'ем, *Schmollers Jahrb*, XX, 1896, стр. 575 слл. Кроме того, Штаммлеровское определение социальной жизни как внешне регулируемого сожительства людей исключает из ряда социальных явлений общество в смысле учения Сен-Симона – Штейна, которого *Stammler*, по-видимому, вовсе не знает, так как жизнь так понимаемого общества в значительной мере сводится к неупорядоченной и нерегулируемой борьбе.

Бесконечная сложность социального процесса объясняет далее два важных научных феномена. Достаточно поверхностного обзора литературы, чтобы убедиться, что одно и то же явление объясняется разными авторами противоположными, исключаящими друг друга причинами. Так, одни признают нашу современную культуру христианской, т. е. продуктом христианско-религиозного духа, другие усматривают истинную причину современной цивилизации в преобладании естественнонаучного мирозозерцания над религиозным, третьи – в развитии техники, в частности путей сообщения. Одни рассматривают историю как результат деятельности отдельных руководящих личностей, другие – лишь как результат огромных социально-массовых влияний; по одной теории судьбы народа определяются климатическими отношениями, по другой – этическими свойствами народа; для одного право есть продукт моральных идей, для другого – исключительно результат классовой борьбы. С научной точки зрения нетрудно усмотреть ошибочность такого рода приемов исследования. Так как каждое социальное явление имеет бесконечно много причин, то нетрудно выхватить из них одну или сколько угодно причин и признать их единственными. Методологическая ошибка заключается в этом случае не в утверждении, что при результате *X*, вытекающем из причин *a, b, c, d...*, *a* есть причина *x*, а в утверждении, что причиной служит *только a*. В истории науки мы весьма часто встречаемся с тем фактом, что новые воззрения пытаются достигнуть победы над прежде господствовавшими тем, что выставляют открытые ими, до тех пор неизвестные или оставлявшиеся без внимания, причины единственными причинами подлежащих объяснению явлений. Так, например, возникновение религии пытались объяснить исключительно мифологической персонификацией сил природы, а затем, в борьбе с этим воззрением, – исключительно культом предков. Избегнуть такой односторонности можно только постоянно имея в виду разнообразие социального процесса, в частности, тот столь часто забываемый факт, что один и тот же эффект может быть вызван совершенно различными причинами.

Второй феномен, являющийся результатом взаимодействия многообразно переплетающихся социальных отношений, состоит в том, что каждое социальное явление имеет благоприятные и вредные последствия и изменить в этом что-либо не может никакая человеческая предусмотрительность. Последствия отдельного явления столь разнообразны, многосторонни, взаимно переплетены, что о них с одинаковым правом могут быть высказаны самые противоречивые суждения. Всякое историческое событие, всякая социальная реформа подвергаются поэтому самой разнообразной оценке. Подобно тому, как ни одна историческая личность, не исключая и величайшей из них, не избежала порицаний и осуждения, – всякое произведение литературы, искусства, науки, техники, вызывавшее самые восторженные оценки, где-либо встречало и неблагоприятное отношение, и нет такого исторического факта, такой перемены в нравах и воззрениях, значение и последствия которых не оценивались бы различно разными людьми. Причиной таких противоречий являются не одни только различия между лицами, высказывающими суждение: каждый из судящих может, напротив, почерпнуть доказательства для своих утверждений из обильного социального материала. Оптимизм и пессимизм, преклонение перед человеком и презрение ко всему человеческому, вера в прогрессивное развитие и отрицание прогресса в истории – в равной мере находят поэтому опору в огромной массе социальных фактов и их последствий. Познание этого заключает в себе благотельный корректив и средство защиты против увлечения крайними и односторонними выводами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.